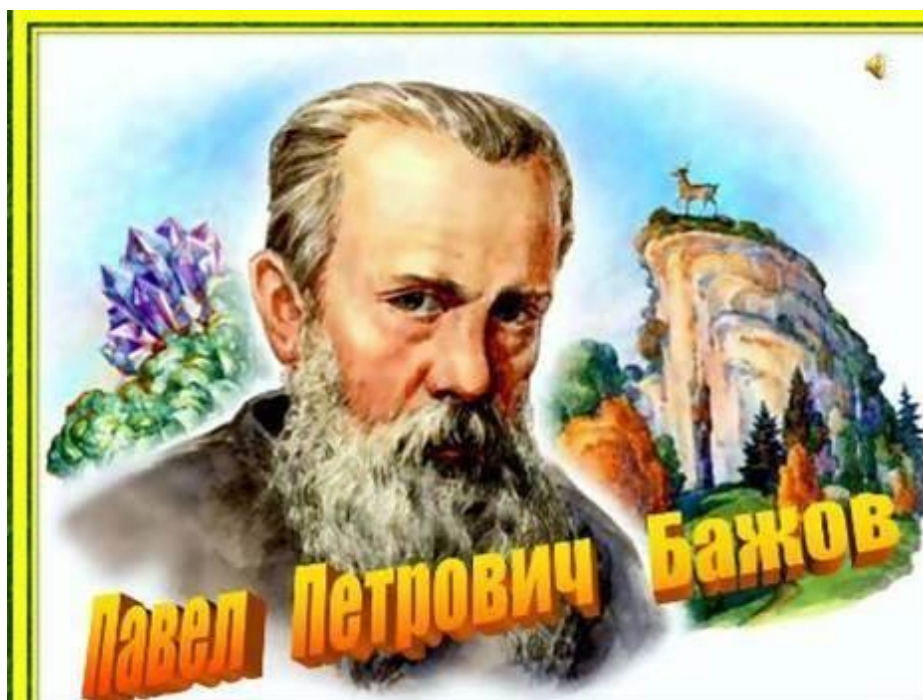

Муниципальное автономное дошкольное
образовательное учреждение детский сад №3 «Улыбка»

КРАТКОСРОЧНЫЙ ПРОЕКТ **«Мудрые сказы П. П. Бажова».**

Разработали : Изибаева Е.И

Щербакова С.П.

Среди просторов нашей большой земли есть край, где ты живешь, где твой родной дом. И куда бы ты ни ездил, всегда будешь вспоминать свой родной Урал. Чудесна природа Урала, лесные горы, голубые озера, быстрые реки. Но не только прекрасна уральская земля. Она – сказочно богата и славится на весь мир своими камнями: малахитом, самоцветами, яшмой, мрамором; полезными ископаемыми: углем, рудой, золотом, Каслинским литьём. А какие люди живут на Урале! Настоящие мастера своего дела. Обо всем об этом писал знаменитый писатель Павел Петрович Бажов.

На основе творчества великого сказочника Урала, мы приобщали детей к культуре и истории родного края, прививали любовь и интерес к богатой природе Урала, воспитывали уважение к людям труда.

Рассказывали детям о красоте Урала, края, в котором они живут, знакомили с его прошлым, с обрядами и обычаями людей, их бытом.

Детям интересно было узнавать историю своего края, они с удовольствием слушали такие произведения уральского сказителя, как «Огневушка-Поскакушка», «Синюшкин колодец», «Серебряное копытце», «Золотой волос», «Каменный цветок», «Голубая змейка». С неменьшим интересом рассматривали иллюстрации к сказам П.П. Бажова, смотрели мультфильмы.

Также мы познакомили дошкольников с уральскими самоцветами, рассказали об их многообразии и прикладном использовании.

Одним из этапов в знакомстве с творчеством Бажова явилось создание в подготовительной группе панорамы по творчеству П.П. Бажова: были подобраны издания сказов Бажова, книги биографического содержания, энциклопедии. Размещены коллекции изделий, украшений из уральских самоцветов и уральских минералов.

Ребята, совместно с родителями изготовили поделки, с помощью которых была оформлена выставка.

В образовательной деятельности использовались разные виды художественного творчества детей: изготовление «Ящерицы - символ хозяйки Медной горы», для украшения «Малахитовой шкатулки».

Закрепляя свои знания о творчестве П.П. Бажова, педагоги с детьми играли в игры:

«Узнай сказ по обложке, имени героя, отрывку, диалогу, предмету, слову, звуку», «Придумай счастливый конец сказа», «Сказы седого Урала», «В гости к хозяйке Медной горы».

Кульминацией погружения в творчество уральского сказочника стало проведение викторины «Путешествие по сказам П.П. Бажова» .

Мы уверены, что Сказы Бажова не только знакомят детей с прошлым людей, живших на Урале, но также учат их дружбе, честности, доброте. Наши дети полюбили необычных героев сказов, «тайную силу» хранителей земельных богатств Урала и через образы сказов еще лучше узнали свой родной край.

Актуальность реализации проекта

Воспитание патриотических чувств - задача каждого родителя, воспитателя, педагога. Начинать нужно с малого-с любви к родному городу, краю.

Уральский край – богат он своей историей, своими тайнами, своими мастерами да умельцами. Урал - «редчайшее место и по мастерам и по красоте». Невозможно познать красоту Урала, если не побывать на удивительных, чарующих тишиной и покоем уральских прудах и озерах, в сосновых борах, на легендарных горах. Здесь на Урале, веками жили и трудились талантливые мастера, только здесь мог изваять свой каменный цветок Данила-мастер, и где-то здесь уральские мастера видели Хозяйку медной горы. Действительно уральцы очень любят свою природу, но довольно плохо знакомы с богатством Уральского сказочного литературного наследия. А ведь образы, созданные Павлом Бажовым, имеют непосредственное отношение к национальной самоидентификации. По меткому выражению историка и профессора языкознания Майи Никулиной « природа языка, переданная в уральских сказах Павла Бажова-это язык русской Одиссеи. А сам Бажов - по теперешним меркам, самый настоящий культовый писатель, создавший новую уральскую мифологию на основе легенд и преданий».

М.П.Никулина, историк: «Бажовские корни искать следует не в рабочем уральском фольклоре, а в пространстве более обширном и отдалённом – в древних мифах, которые откровенно настаивают на том, что Урал – земля отмеченная, занимающая особое место на планете».

Да, славится наш край своими писателями, да сказителями. Именно они рассказывают в своих произведениях о жизни нашего края, о его особенностях и традициях. Сама уральская земля рождала легенды и сказки. П.П.Бажов учился видеть и понимать богатство и красоту горного Урала. Сказы Бажова впитали сюжетные мотивы, фантастические образы, колорит язык народных приданий и народную мудрость. Рассказывая об искусстве уральских умельцев, отражая красочность и своеобразие старого горнозаводского быта, Бажов вместе с тем ставит в сказах общие вопросы – об истинной нравственности, о духовной красоте и достоинстве трудового человека.

Павел Петрович Бажов написал много интересных сказов, в которых быль тесно переплетается с вымыслом. Читая его произведения, мы окунаемся в мир необычный и удивительный. Знакомство с творчеством наших писателей – это основа и фундамент для формирования знаний о родном крае.

Проблема: дети не имеют достаточных знаний о культуре и традициях уральского народа и творчестве уральского писателя П. П. Бажова.

Причины возникновения проблемы:

1. Образовательной программой предусмотрено включение регионального компонента, но содержание раздела «Художественная литература» не позволяет в рамках непосредственной образовательной деятельности полноценно знакомить с произведениями уральского сказителя.
2. Современное общество строит свою жизнь в свете новейших ресурсов и информации, порой забывая, что прошлое и будущее человечества связаны. Семейное воспитание все меньше внимания уделяет ознакомлению детей с традициями и культурой малой Родины, в том числе из-за низкого уровня компетентности родителей в этом вопросе.
3. Возникает информационное голодание в области пропаганды и в области историко-культурного наследия, традиций родного края.

Цель проекта: углубление знаний о культуре и традициях уральского народа посредством ознакомления с произведениями сказителя П.П. Бажова.

Задачи:

- формировать представления об Уральском писателе-сказителе П. Бажове, его сказах, как части культуры Уральского народа;
- познакомить родителей с основами патриотического воспитания дошкольников, направленными на приобщение к культурному наследию родного края;
- создать условия для расширения социального опыта дошкольников в процессе ознакомления с историко-культурным наследием и традициями Урала»
- развивать творческие способности детей посредством продуктивной деятельности, стимулировать желание создавать красивое своими руками; формировать чувство гордости за свой родной край;

Тип проекта: творческий, информационно-исследовательский.

Вид проекта: групповой.

Сроки реализации проекта: неделя.

Участники проекта: дети подготовительной группы, воспитатели.

Ожидаемый результат:

-обогатились знания детей в области творчества уральского писателя; имеют представления о жизни людей на Урале;

-активно вступает во взаимодействие с воспитателем и сверстниками в различных видах деятельности;

-высказывает свое мнение, пересказывает эпизоды произведений; обогатился словарный запас;

-проявляет творческую индивидуальность и самостоятельность в продуктивной деятельности;

Реализация проекта

1 Этап. Подготовительный.

- Познакомить с темой проекта детей и родителей;
- Оформить выставку книг по творчеству писателя; -
Подобрать пословицы, поговорки о родном крае и о труде.

2 Этап. Основной.

- Провести беседы с детьми: «Как жили люди на Урале», «Правда или вымысел?».
- Рассматривание иллюстраций к сказам П.П. Бажова.
- Чтение сказов П.П. Бажова, пересказ эпизодов.
- Чтение и обсуждение пословиц и поговорок о труде, о Родине.
- Рассказывание стихотворений о родном крае.
- Рисование. «Серебряное копытце», « Огневушка - Поскакушка».
- Аппликация (по выбору детей) по сказкам П. Бажова.
- Лепка « Серебряное копытце».

3 Этап. Заключительный.

- Выставка детского творчества по сказам Бажова (рисунки, поделки).
- Проведение викторины «Путешествие по сказам П.П.Бажова »

Вывод.

В дошкольном возрасте начинают развиваться такие черты характера, которые закладывают в основу нравственного и патриотического воспитания: трудолюбие, милосердие, гуманность и т. д. Чувство Родины начинается с восхищения тем, что видит перед собой малыш, чему он удивляется, что вызывает отклик в его душе. И хотя многие впечатления не

осознаны им глубоко, но пропущенные через детское восприятие, они играют огромную роль в становлении личности патриота.

Детский возраст – возраст пытливого ума и ярких впечатлений и мы имеет потенциальные возможности формирования социальных чувств, нравственных, патриотических. Патриотизм, гражданственность как качества личности – глубокий родник, который питает жизненные силы человека, окрашивает поступки, влияет на мировоззрение, социальные качества человека.

Адресная направленность: Представленный педагогический опыт в области исследуемой темы может быть использован специалистами дошкольного профиля в решении конкретных воспитательно – образовательных задач.

Приложение 1.

Конспект занятия по развитию кругозора «Наш край Урал»

Познавательная беседа в подготовительной группе

«Наш край Урал».

Цели:

- систематизировать и обобщать знания детей о Урале, как о родном крае.
- развитие фонематических процессов;
- закрепление знаний детей о родном крае Урале и городе В. Пышма;
- развитие артистических способностей.

Материал и оборудование:

- Карта России и Урала карта России.
- Ноутбук

Предварительная работа: Чтение пословиц и поговорок о труде, заучивание пословиц и поговорок о Родине.

Беседа о родном крае, о городе Екатеринбурге; чтение сказов П. П. Бажова; разучивание дома с родителями стихотворений об Урале и родном городе.

Организационный момент:

Собрались все дети в круг, я твой друг и ты мой друг

Крепко за руки возьмемся и друг другу улыбнемся,

Когда ладошки наши встречаются, то сердца добром наполняются,

Так красота на земле рождается.

1. Вводное слово воспитателя

В.: -Ребята, сегодня наша туристическая компания «Краски мира», приглашает вас в путешествие. По замечательным местам нашего края. Поэтому я попрошу вас быть очень внимательными. А сейчас попрошу взять свои билеты и пройти на посадку. Наш самолет взлетает через несколько минут.

(Дети проходят на свои места за столы)

В.: -Дорогие пассажиры, мы рады приветствовать вас на борту нашего самолета. Во время полета просим вас соблюдать правила: Не шуметь, не ходить, не беспокоить пилотов. Во время полета мы совершим несколько посадок в разных городах нашего удивительного края.

-Чтобы завести двигатель нашего самолета нужно ответить на вопросы:

-Как называется наша страна? (Россия)

«Да молодцы, у нашей страны красивое и звучное имя - **Россия**.

- Чем Россия является для нас?(Родиной).

-Родина – это земля, где ты родился. Мы с Вами живем в самой большой стране на Земле..

- Много слышал о ней пословиц и поговорок народ, а вы знаете о них?

Ответы детей:

1.Всякому мила своя страна.

2. Где кто родится, там и пригодится.

3. Своя земля и в горсти мила.

4. Человек без родины – что соловей без песни.

5. Кто любит Родину и народ, то настоящий патриот.

В.: - Как называют его, узнайте, послушав стихотворение:

«Про него (Урал) говорят, что камнями - богат,

И умельцами тоже он славится.

Кто в краю побывал

И Бажова читал,

Тот у нас непременно останется».

(Л. П. Владимиров).

(УРАЛ)- ответы детей

В.: - Правильно, молодцы! «Урал» по-башкирски – пояс.

Урал -это наш край, край где мы живём, наша Родина, расположен в центре нашей страны. Наш край получил свое название по Уральским горам, пересекающим район с севера на юг.

Посмотрите на карту.

В.: - Уважаемые пассажиры пристегните ремни мы идем на посадку.

2. «Городские минутки»

Рассказ педагога о городах Урала, о его природных богатствах, полезных ископаемых.

3. Физ. Минутка:

«Ехали мы, ехали и, наконец, приехали. Вышли, потянулись, друг другу улынулись. Сели встали, солнце увидели.

4. Итог.

Обращается к детям:

В.: - В каких городах мы с вами побывали? Чем они прославились?
(Гравюрой, литьем, драгоценными камнями, озерами, заповедниками).

Легенда.

Есть башкирская сказка о великане, который носил пояс с глубокими карманами. Он прятал в них все свои богатства. Пояс был огромный.

Однажды великан растянул его. И пояс лег через всю землю, от холодного Карского моря, до песчаных берегов южного Каспийского моря.

Приложение №2

«Наш дом - Южный Урал»

«Русский народ не должен терять своего нравственного авторитета среди других народов - авторитета, достойно завоеванного русским искусством, литературой. Мы не должны забывать о своем культурном прошлом, о наших памятниках, языке, живописи». С.Д.Лихачев.

Любовь к Родине большой начинается с любви к Родине малой, и воспитывается она у детей с раннего возраста. Задача педагогов дошкольных учреждений заключается в том, чтобы донести до воспитанников, что они являются носителями великой русской культуры, национальных традиций русского народа и родного края. В нашем случае традиций и культуры народов Урала.

Идея воспитания детей на национальных традициях вписывается в общую систему воспитательно-образовательной работы с детьми, пронизывая все ее направления. Чувство патриотизма многогранно по содержанию. Это и любовь к родным местам, и гордость за свой народ, и ощущение своей неразрывности с окружающим миром, и желание сохранять и приумножить богатство своей страны, поэтому я поставила перед собой ряд дополнительных задач:

1. Воспитание уважения к труду ремесленников;
2. Развитие интереса к русским традициям и промыслам;
3. Формирование толерантности, чувства уважения к другим народам, их традициям.

Для реализации этих задач нами решено было создать в группе панораму «Хозяйка медной горы», в которой разместили - кукла «Хозяйка Медной горы», кукла - «Мастер Данила», поделки детей «Малахитовые шкатулки,

«Каменный цветок», чугунная Хозяйка Медной горы», карта Урала, Герб, подобрана литература: сказки П. Бажова.

При знакомстве с изделиями декоративно-прикладного искусства перед детьми раскрывается разнообразие и богатство культуры народа, усваивается многогранность традиций и обычаев, передаваемых от поколения к поколению, дети узнают о разнообразии работ народных мастеров и материалов, из которых они изготовлены. Поэтому кроме общих впечатлений, дети получают знания искусствоведческого характера о том, что в изделиях народных мастеров оживают образы, приведшие из языческих поверий и легенд, народного эпоса и сказок. Секреты ремесел, и техника их выполнения, передается из рода в род на протяжении многих поколений. Условность образа, нацеленность на типичность, красочность, декоративность, выраженность эмоционального настроения - это качества народного декоративно-прикладного искусства" выработанная, отточенная веками традиция. В разнообразии образов народного творчества дети увидели проявление одаренности уральского народа" его неисчерпаемых сил и талантов.

Продолжая нашу работу по ознакомлению дошкольников с народно-прикладным искусством Урала, мы познакомили детей с камнерезным искусством, с южноуральским фарфором, с урало-сибирской росписью, с оренбургскими платками.

Из бесед дошкольники узнали, что работы народных умельцев не только хранятся в музеях, экспонируются на выставках художественных промыслов, но их также можно посмотреть на ярмарках, купить в специальных магазинах.

Во время ознакомления с изделиями народных мастеров обогащается словарный запас детей. Дети называют предметы; материалы, из которых изготавливаются экспонаты, элементы росписи и т.п.

Значимость данной работы состоит в том, что дети знакомятся шире и глубже с символикой уральского декоративного искусства и её значением. Знакомство с орнаментами и орнаментация как самостоятельный вид продуктивной деятельности лежит в основе приобщения дошкольников к декоративно-прикладному искусству. Оптимальной формой построения процесса эстетического воспитания детей средствами этого искусства выступают занятия, которые предполагают инновационную направленность.

Приложение №3

Комплекс занятий по изо деятельности «Ознакомление с творчеством П.П. Бажова».

Методические рекомендации

Отражение поэтических образов в рисунках доступно детям старшего дошкольного возраста. Оно имеет большое значение для их нравственно-эстетического воспитания, для развития творческих способностей, для подготовки к успешному обучению в школе. Сказы П.П. Бажова сложны для восприятия дошкольников. Трудности восприятия обусловлены тем, что у детей мало представлений о тех временах, поэтому они не могут активно привлекать свой опыт. Но яркое описание героев, развитие действий в значительной степени побуждает детей к отображению своих впечатлений в рисунке. Чем больше ребенок накапливает знаний, тем богаче, ярче становится его воображение.

На занятиях по развитию речи или вне занятий педагог знакомит детей со сказами П.П. Бажова. До занятия по рисованию он еще раз знакомит детей с отрывком из сказа, в котором описан образ или сюжет, и одновременно демонстрирует две-три иллюстрации к нему. Читая сказы, необходимо интонационно выделять те места, которые отражены художником в иллюстрации. Рассматривание иллюстраций конкретизирует это восприятие, делает его более осмысленным, т. е. обеспечивает взаимодействие зрительного и слухового восприятия. Рисую по сказам, ребенок вспоминает последовательность событий, стремится передать характеристику основных образов, воспроизвести описание деталей пейзажа, т.е. активно мыслит и при этом творчески подключает свои представления, полученные в результате предыдущих наблюдений. Уровень психического развития детей четырех - семи лет позволяет ему наглядно представить предметы, события, явления, которые описаны в сказках, эстетически их оценить. Но самостоятельно это сделать ребенок затрудняется, поэтому большую роль играет руководство педагога, который уточняет и систематизирует детские впечатления, побуждает искать меткие определения для выражения эстетических чувств.

Для развития творчества важно проводить беседы о замысле рисунка, о главном образе, средствах наибольшей выразительности рисунков.

Постановка темы должна направлять детей на передачу в рисунке определенной ситуации, на поиск различных вариантов ее исполнения, побуждать к проявлению фантазии. Педагог обращает внимание детей на красоту цветосочетания, ритм, необычность формы, используя доступные изображения, средства для передачи настроения.

Особое внимание уделяется умению изображать по-разному фон. Можно рекомендовать нетрадиционные способы закрашивания фона: с помощью ватного тампона, набрызг, «монотипия» и др.

Очень важно при рисовании пейзажа избегать штампов в прорисовке неба, земли. Можно использовать способ накладывания краски на цветной фон, на другую краску, способ прорисовки цветных пятен, полученных путем размывки, мазков. Иногда можно использовать в качестве готового фона цветную бумагу.

Передача пространства в рисунке - трудная задача для дошкольников.

Пространство можно передать в виде фриза (одной линии), широкой полосы земли, двух-трех фризов. Главный образ выделяется размерами (большими или маленькими), цветом. Вокруг него строится определенная композиция, подсказанная темой рисунка. Иногда предметы располагаются на всем листе бумаги, могут быть оставлены пустые места, а изображение сосредоточено в одном каком-то направлении.

При оценке детских рисунков обращается внимание на следующие моменты:

- передача общего колорита, настроения ребенка;
- разнообразие композиции (связь между предметами, их объединение, выделение главного образа);
- изображение формы, ее характерных признаков, деталей;
- передача пропорций предмета, его размеров;
- соответствие изображения в рисунке литературному произведению.

Конспекты занятий в старшей группе

Рисование «Олень Серебряное копытце»

Задачи: 1. Продолжать учить создавать выразительный образ сказочного животного, используя различные средства.

2. Учить находить композиционное равновесие на листе бумаги, выделять главное размером.
3. Закреплять навыки работы акварельными красками.

Предварительная работа: чтение сказа П.П. Бажова «Серебряное копытце», рассматривание иллюстраций.

Материал: иллюстрации к сказу П.П.Бажова «Серебряное копытце», альбомные листы, гуашь.

Ход занятия:

- Дети, посмотрите, к какому литературному произведению эти иллюстрации? (Сказ П.П. Бажова «Серебряное копытце»)
- Какими средствами художники старались передать образ сказочного оленя? (Передача движения цветом, штрихами, мазками, композиционное решение, главное выделяется крупным планом)
- Сегодня мы будем рисовать Серебряное копытце.
- Посмотрите, как будем работать в цвете. Сначала нарисуем гуашью коричневого цвета в верхней части листа овальную голову. Отступим немного вниз и нарисуем овальное туловище. Передняя часть туловища шире, чем задняя. Соединим голову и туловище шеей. Задние ноги состоят из двух частей. Верхняя часть потолще – овал, нижняя – прямая широкая линия. Передние ноги так же рисуем из двух частей. Верхняя – пошире, нижняя – поуже. Дорисуем рога, уши, глаза, хвост.
- Подумайте, в какой позе вы хотели бы изобразить животное, какой выбрать фон. Не забывайте, что главное в композиции выделяем размером..

Рассматривая с детьми законченные работы, отметить наиболее выразительные.

- Молодцы, замечательные работы получились! Вот олень бьет копытцем, а из-под него камни разноцветные вылетают. А вот олень по лесу бежит и т.д.

Рисование по сказу «Серебряное копытце»

Задачи: 1. Формировать умения составлять сюжетную композицию по содержанию литературные произведения.

2. Учить находить композиционное равновесие на листе бумаги, используя элементы загромождения и пространственного расположения персонажей сюжета.
3. Закреплять навыки работы в технике коллаж.

Предварительная работа: чтение сказа П.П. Бажова «Серебряное копытце», рассматривание иллюстраций, просмотр мультфильма, рисование Даренки, кошки Муренки, оленя.

Ход занятия:

- Дети, на прошлых занятиях вы рисовали кошку Муренку, девочку Даренку, Серебряное копытце. Сегодня мы будем составлять композицию по сказу П.П. Бажова «Серебряное копытце». Обычно иллюстрации соответствуют содержанию, но каждый художник выражает свое отношение к героям сказки. Посмотрите, как интересно иллюстрирован сказ разными художниками.

- Вам нужно составить коллаж по сказу П. Бажова «Серебряное копытце». На горизонтальном листе бумаги изображение «читается» слева направо, поэтому композиционный центр должен быть смещен влево. На вертикальном листе лучше располагать персонажей выше – поменьше (Серебряное копытце), ниже - больше (люди). При этом не забывайте об элементах загромождения и пространственного расположения персонажей сюжета.

Затем нужно выполнить подмалевок (небо и землю) гуашью или акварельными красками. А деревья, кусты, сугробы, избушку можно нарисовать, можно сделать из цветной бумаги или ткани.

Рассмотрите иллюстрации и подумайте, какой сюжет вы хотели бы отобразить в своей работе.

Во время рисования обращать внимание детей на соблюдение пропорций. Детям, которые быстро выполнили, предложить украсить свою работу разноцветными камнями, вырезанными из фольги.

В конце занятия все работы рассматриваются, отмечаются наиболее удачные композиционные решения.

Конспекты занятий в подготовительной группе **Рисование «Огневушка- Поскакушка»**

Задачи: 1. Продолжать формировать умения создавать образ сказочного героя в соответствии с литературными характеристиками.

2. Учить находить композиционное равновесие на листе бумаги, выделять главное размером.

3. Закреплять навыки работы восковыми мелками.

Предварительная работа: чтение сказа П.П. Бажова «Огневушка – Поскакушка», рассматривание иллюстраций.

Материал: иллюстрации к сказу П.П. Бажова, альбомные листы бумаги, восковые мелки, фломастеры.

Ход занятия:

- Ребята, с какими сказами П.П. Бажова вы знакомы? («Серебряное копытце», «Малахитовая шкатулка», «Огневушка – Поскакушка»)

- Послушайте, из какого сказа этот отрывок и догадайтесь, о ком пойдет речь на занятии?

«... Вдруг из самой серединки вынырнула девочка махонькая. Вроде кукленки, а живая. Волосенки рыженькие, сарафанчик голубенький и в руке платочек, тоже сголуба.

Поглядел а девчонка веселыми глазками, блеснула зубенками, подбоченилась, платочком махнула и пошла плясать... Сперва по уголькам круги давала, потом, - видно, ей тесно стало пошире пошла» (Огневушка – Поскакушка)

- Какая была Огневушка – Поскакушка? (веселая, озорная, всегда танцевала)

- Правильно, сегодня мы будем рисовать иллюстрацию к сказу П.П. Бажова, как «Огневушка-Поскакушка», танцующая, из угольков появилась. Посмотрите

на схемы рисования танцующего человека. В какой позе можно изобразить ОгневушкуПоскакушку?

- Работу будем выполнять так: сначала нарисуем схему розовым мелком, затем фломастерами нарисуем волосы, лицо, шею, блузку, сарафан. Раскрашивать будем восковыми мелками.

Дорисуем пейзаж: заснеженные деревья, костер, вокруг костра- проталина с зеленой травой. Приступайте к работе.

Во время работы обращать внимание на соблюдение пропорций в фигуре человека.

При анализе работ обратить внимание на передачу настроения.

- Посмотрите, какие замечательные работы. Огневушка-Поскакушка везде получилась озорная, веселая!

Приложение№4

Пословицы и поговорки о Родине.

- ✚ На чужой стороне Родина милей вдвойне.
- ✚ Одна у человека родная мать, одна у него и Родина.
- ✚ Береги землю родимую, как мать любимую.
- ✚ Кто за Родину горой, тот и герой.
- ✚ В каком народе живёшь, того обычая держись.
- ✚ Ищи добра на стороне, а дом люби по старине.

Народная дружба и братство - дороже всякого богатства.

Пословицы и поговорки о труде.

- Без труда и отдых не сладок.
- Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.
- Всякое уменье трудом дается.
- Где хотенье, там и уменье.

- Дела словами не заменишь.
- Делу — время, потехе — час.
- Каков мастер, такова и работа.
- Кончил дело — гуляй смело.
- Копнешь, так и найдешь.
- Маленькое дело лучше большого безделья.

Приложение №5

Медной горы хозяйка

П.П. Бажов

Пошли раз двое наших заводских траву смотреть. А покосы у них дальние были. За Северушкой где-то.

День праздничный был, и жарко - страсть. Парун чистый. А оба в горе робили, на Гумешках то есть. Малахит-руду добывали, лазоревку тоже. Ну, когда и королек с витком попадали и там протча, что подойдет.

Один-от молодой парень был, неженатик, а уж в глазах зеленью отливать стало. Другой постарше. Этот и вовсе изробленный. В глазах зелено, и щеки будто зеленью подернулись. И кашлял завсе тот человек.

В лесу-то хорошо. Пташки поют-радуются, от земли воспарение, дух легкий. Их, слышько, и разморило. Дошли до Красногорского рудника. Там тогда железню руду добывали. Легли, значит, наши-то на травку под рябиной да сразу и уснули. Только вдруг молодой, ровно его кто под бок толкнул, проснулся. Глядит, а перед ним на грудке руды у большого камня женщина какая-то сидит. Спиной к парню, а по косе видать - девка. Коса ссизачерная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце ленты не то красные, не то зеленые. Сквозь светеют и тонко этак позванивают, будто листовая медь.

Дивится парень на косу, а сам дальше примечает. Девка небольшого росту, из себя ладная и уж такое крутое колесо - на месте не посидит. Вперед наклонится, ровно у себя под ногами ищет, то опять назад откинется, на тот бок изогнется, на другой. На ноги вскочит, руками замашет, потом опять наклонится. Одним словом, артуть-девка. Слыхать - лопочет что-то, а по-каковски - неизвестно, и с кем говорит - не видно. Только смешком все. Весело, видно, ей.

Парень хотел было слово молвить, вдруг его как по затылку стукнуло.

"Мать ты моя, да ведь это сама Хозяйка! Ее одежда-то. Как я сразу не приметил? Отвела глаза косой-то своей".

А одежда и верно такая, что другой на свете не найдешь. Из шелкового, слышь-ко, малахиту платье. Сорт такой бывает. Камень, а на глаз как шелк, хоть рукой погладить.

"Вот, - думает парень, - беда! Как бы только ноги унести, пока не заметила". От стариков он, вишь, слышал, что Хозяйка эта - малахитница-то - любит над человеком мудровать.

Только подумал так-то, она и оглянулась. Весело на парня глядит, зубы скалит и говорит шуткой:

- Ты что же, Степан Петрович, на девичью красу даром глаза пялишь? За погляд-то ведь деньги берут. Иди-ка поближе. Поговорим маленько.

Парень испужался, конечно, а виду не оказывает. Крепится. Хоть она и тайна сила, а всетаки девка. Ну, а он парень - ему, значит, и стыдно перед девкой обробеть.

- Некогда, - говорит, - мне разговаривать. Без того проспали, а траву смотреть пошли. Она посмеивается, а потом говорит:

- Будет тебе наигрыш вести. Иди, говорю, дело есть.

Ну, парень видит - делать нечего. Пошел к ней, а она рукой маячит, обойди-де руду-то с другой стороны. Он и обошел и видит - ящерок тут несчисленно. И всё, слышь-ко, разные. Одни, например, зеленые, другие голубые, которые в синь впадают, а то как глина либо песок с золотыми крапинками. Одни, как стекло либо слюда, блестят, а другие, как трава поблеклая, а которые опять узорами изукрашены.

Девка смеется.

- Не расступи, - говорит, - мое войско, Степан Петрович. Ты вон какой большой да тяжелый, а они у меня маленькие.

А сама ладошками схлопала, ящерки и разбежались, дорогу дали.

Вот подошел парень поближе, остановился, а она опять в ладошки схлопала да и говорит, и все смехом:

Теперь тебе ступить некуда. Раздавишь мою слугу - беда будет.

Он поглядел под ноги, а там и земли незнатко. Все ящерики-то сбились в одно место, - как пол узорчатый под ногами стал. Глядит Степан - батюшки, да ведь это руда медная! Всяких сортов и хорошо отшлифована. И слюдка тут же, и обманка, и блёстки всякие, кои на малахит походят.

- Ну, теперь признал меня, Степанушко? - спрашивает малахитница, а сама хохочетзаливается.

Потом, мало погодя, и говорит:

- Ты не пужайся. Худого тебе не сделаю.

Парню забедно стало, что девка над ним насмехается да еще слова такие говорит. Сильно он осердился, закричал даже:

- Кого мне бояться, коли я в горе роблю!

- Вот и ладно, - отвечает малахитница. - Мне как раз такого и надо, который никого не боится. Завтра, как в гору спускаться, будет тут ваш заводской приказчик, ты ему скажи, да смотри не забудь слов-то:

"Хозяйка, мол, Медной горы заказывала тебе, душному козлу, чтобы ты с Красногорского рудника убирался. Ежели еще будешь эту мою железную шапку ломать, так я тебе всю медь в Гумешках туда спущу, что никак ее не добыть".

Сказала это и прищурилась:

- Понял ли, Степанушко? В горе, говоришь, робишь, никого не боишься? Вот и скажи приказчику, как я велела, а теперь иди да тому, который с тобой, ничего, смотри, не говори. Изробленный он человек, что его тревожить да в это дело впутывать. И так вон лазоревке сказала, чтоб она ему маленько пособила.

И опять похлопала в ладошки, и все ящерики разбежались.

Сама тоже на ноги вскочила, прихватила рукой за камень, подскочила и тоже, как ящерица, побежала по камню-то. Вместо рук-ног - лапы у нее зеленые стали, хвост высунулся, по хребтине до половины черная полоска, а голова человечесья. Забежала на вершину, оглянулась и говорит:

- Не забудь, Степанушко, как я говорила. Велела, мол, тебе, душному козлу, с Красногорки убираться. Сделаешь по-моему, замуж за тебя выйду!

Парень даже сплюнул вгорячах:

- Тьфу ты, погань какая! Чтоб я на ящерице женился.

А она видит, как он плюется, и хохочет.

- Ладно, - кричит, - потом поговорим. Может, и надумаешь?

И сейчас же за горку, только хвост зеленый мелькнул.

Парень остался один. На руднике тихо. Слышно только, как за грудкой руды другой-то похрапывает. Разбудил его. Сходили на свои покосы, посмотрели траву, к вечеру домой воротились, а у Степана на уме: как ему быть? Сказать приказчику такие слова - дело не малое, а он еще, - и верно, - душной был - гниль какая-то в нутре у него, сказывают, была. Не сказать - тоже боязно. Она ведь Хозяйка. Какую хошь руду может в обманку перекинуть. Выполняй тогда уроки-то. А хуже того, стыдно перед девкой хвастуном себя оказать.

Думал-думал, насмелился:

- Была не была, сделаю, как она велела.

На другой день поутру, как у спускового барабана народ собрался, приказчик заводской подошел. Все, конечно, шапки сняли, молчат, а Степан подходит и говорит:

Видел я вечер Хозяйку Медной горы, и заказывала она тебе сказать. Велит она тебе, душному козлу, с Красногорки убираться. Ежели ты ей эту железную шапку спор-тишь, так она всю медь на Гумешках туда спустит, что никому не добыть.

У приказчика даже усы затряслись.

- Ты что это? Пьяный али ума решился? Какая хозяйка? Кому ты такие слова говоришь? Да я тебя в горе сгною!

- Воля твоя, - говорит Степан, - а только так мне велено.

- Выпороть его, - кричит приказчик, - да спустить в гору и в забое приковать! А чтобы не издох, давать ему собачьей овсянки и уроки спрашивать без поблажки. Чуть что - драть нещадно.

Ну, конечно, выпороли парня и в гору. Надзиратель рудничный, - тоже собака не последняя, - отвел ему забой - хуже некуда. И мокро тут, и руды доброй нет, давно бы бросить надо. Тут и приковали Степана на длинную цепь, чтобы, значит, работать можно было. Известно, какое время было, - крепость. Всяко галились над человеком. Надзиратель еще и говорит:

- Прохладись тут маленько. А уроку с тебя будет чистым малахитом столько-то, - и назначил вовсе несообразно.

Делать нечего. Как отошел надзиратель, стал Степан каелкой помахивать, а парень всетаки проворный был. Глядит, - ладно ведь. Так малахит и сыплется, ровно кто его руками подбрасывает. И вода куда-то ушла из забоя. Сухо стало.

"Вот, - думает, - хорошо-то. Вспомнила, видно, обо мне Хозяйка".

Только подумал, вдруг звосияло. Глядит, а Хозяйка тут, перед ним.

- Молодец, - говорит, - Степан Петрович. Можно чести приписать. Не испужался душного козла. Хорошо ему сказал. Пойдем, видно, мое приданое смотреть. Я тоже от своего слова не отпорна.

А сама принахмурилась, ровно ей это нехорошо. Схлопала в ладошки, ящерики набежали, со Степана цепь сняли, а Хозяйка им распоряжок дала:

- Урок тут наломайте вдвое. И чтобы наотбор малахит был, шелкового сорту.

Потом Степану говорит: - Ну, женишок, пойдем смотреть мое приданое.

И вот пошли. Она впереди, Степан за ней. Куда она идет - все ей открыто. Как комнаты большие под землей стали, а стены у них разные. То все зеленые, то желтые с золотыми крапинками. На которых опять цветы медные. Синие тоже есть, лазоревые. Одним словом, изукрашено, что и сказать нельзя. И платье на ней - на Хозяйке-то - меняется. То оно блестит, будто стекло, то вдруг полиняет, а то алмазной осыпью засверкает, либо скрасна медным станет, потом опять шелком зеленым отливает. Идут-идут, остановилась она. Дальше, - говорит, - на многие версты желтяки да серяки с крапинкой пойдут. Что их смотреть? А это вот под самой Красногоркой мы. Тут у меня после Гумешек самое дорогое место.

И видит Степан огромную комнату, а в ней постели, столы, табуреточки - всё из корольковой меди. Стены малахитовые с алмазом, а потолок темно-красный под чернетью, а на ём цветки медны.

- Посидим, - говорит, - тут, поговорим.

Сели это они на табуреточки, малахитница и спрашивает:

- Видал мое приданое?

- Видал, - говорит Степан.

- Ну, как теперь насчет женитьбы?

А Степан и не знает, как отвечать. У него, слышь-ко, невеста была. Хорошая девушка, сиротка одна. Ну конечно, против малахитницы где же ей красотой равняться! Простой человек, обыкновенный. Помялся-помялся Степан, да и говорит:

- Приданое у тебя царям впору, а я человек рабочий, простой.

Ты, - говорит, - друг любезный, не вихляйся. Прямо говори, берешь меня замуж али нет? - И сама вовсе принахмурилась.

Ну, Степан и ответил напрямки:

- Не могу, потому другой обещался.

Молвил так-то и думает: огневается теперь. А она вроде обрадовалась.

- Молодей, - говорит, - Степанушко. За приказчика тебя похвалила, а за это вдвое похвалю. Не обзарился ты на мои богатства, не променял свою Настеньку на каменную девку. - А у парня верно невесту-то Настей звали. - Вот, - говорит, - тебе подарочек для твоей невесты, - и подает большую малахитовую шкатулку.

А там, слышь-ко, всякий женский прибор. Серьги, кольца и протча, что даже не у всякой богатой невесты бывает.

- Как же, - спрашивает парень, - я с эким местом наверх подымусь?

- Об этом не печалься. Все будет устроено, и от приказчика тебя вызволю, и жить безбедно будешь со своей молодой женой, только вот тебе мой сказ - обо мне, чур, потом не вспоминай. Это третье тебе мое испытание будет. А теперь давай поешь маленько.

Схлопала опять в ладошки, набежали ящерики - полон стол установили. Накормила она его щами хорошими, пирогом рыбным, бараниной, кашей и протчим, что по русскому обряду полагается. Потом и говорит:

- Ну, прощай, Степан Петрович, смотри не вспоминай обо мне. - А у самой слезы. Она это руку подставила, а слезы кап-кап и на руке зернышками застывают. Полнехонька горсть.
- На-ка вот, возьми на разживу. Большие деньги за эти камешки люди дают. Богатый будешь, - и подает ему.

Камешки холодные, а рука, слышь-ко, горячая, как есть живая, и трясется маленько.

Степан принял камешки, поклонился низко и спрашивает:

- Куда мне идти? - А сам тоже невеселый стал. Она указала перстом, перед ним и открылся ход, как штольня, и светло в ней, как днем. Пошел Степан по этой штольне - опять всяких земельных богатств нагляделся и пришел как раз к своему забою. Пришел, штольня и закрылась, и все стало по-старому. Ящерица прибежала, цепь ему на ногу приладила, а шкатулка с подарками вдруг маленькая стала, Степан и спрятал ее за пазуху. Вскоре надзиратель рудничный подошел. Посмеяться ладил, а видит - у Степана поверх урока наворочено, и малахит отбор, сорт сортом. "Что, думает, за штука? Откуда это?" Полез в забой, осмотрел все да и говорит:

- В эком-то забое всяк сколь хошь наломает. - И повел Степана в другой забой, а в этот своего племянника поставил.

На другой день стал Степан работать, а малахит так и отлетает, да еще королек с витком попадать стали, а у того - у племянника-то - скажи на милость, ничего доброго нет, все

обальчик да обманка идет. Тут надзиратель и сметил дело. Побежал к приказчику. Так и так.

- Не иначе, - говорит, - Степан душу нечистой силе продал.

Приказчик на это и говорит:

- Это его дело, кому он душу продал, а нам свою выгоду поиметь надо. Пообещай ему, что на волю выпустим, пушай только малахитовую глыбу во сто пуд найдет.

Велел все-таки приказчик расковать Степана и приказ такой дал - на Красногорке работы прекратить.

- Кто, - говорит, - его знает? Может, этот дурак от ума тогда говорил. Да и руда там с медью пошла, только чугуну порча.

Надзиратель объявил Степану, что от его требуется, а тот ответил:

- Кто от воли откажется? Буду стараться, а найду ли - это уж как счастье мое подойдет.

Вскорости нашел им Степан глыбу такую. Выволокли ее наверх. Гордятся, - вот-де мы какие, а Степану воли не дали.

О глыбе написали барину, тот и приехал из самого, слышь-ко, Сам-Петербурху. Узнал, как дело было, и зовет к себе Степана.

Вот что, - говорит, - даю тебе свое дворянское слово отпустить тебя на волю, ежели ты мне найдешь такие малахитовые камни, чтобы, значит, из них вырубить столбы не меньше пяти сажен длиной.

Степан отвечает:

- Меня уж раз оплели. Ученый я ноне. Сперва вольную пиши, потом стараться буду, а что выйдет - увидим.

Барин, конечно, закричал, ногами затопал, а Степан одно свое:

- Чуть было не забыл - невесте моей тоже вольную пропиши, а то что это за порядок - сам буду вольный, а жена в крепости.

Барин видит - парень не мягкий. Написал ему актовую бумагу.

- На, - говорит, - только старайся, смотри.

А Степан все свое:

- Это уж как счастье поищет.

Нашел, конечно, Степан. Что ему, коли он все нутро горы вызнал и сама Хозяйка ему пособляла. Вырубили из этой малахитины столбы, какие им надо, выволокли наверх, и барин их на приклад в самую главную церкву в Сам-Петербурхе отправил. А глыба та, которую Степан сперва нашел, и посейчас в нашем городу, говорят. Как редкость ее берегут.

С той поры Степан на волю вышел, а в Гумешках после того все богатство ровно пропало. Много-много лазоревка идет, а больше обманка. О корольке с витком и слыхом не слыхать стало, и малахит ушел, вода долить стала. Так с той поры Гумешки на убыль и пошли, а потом их вовсе затопило. Говорили, что это Хозяйка огневалась за столбы-то, что их в церкву поставили. А ей это вовсе ни к чему.

Степан тоже счастья в жизни не поимел. Женился он, семью завел, дом обстроил, все как следует. Жить бы ровно да радоваться, а он невеселый стал и здоровьем хезнул. Так на глазах и таял.

Хворый-то придумал дробовичок завести и на охоту повадился. И все, слышь-ко, к Красногорскому руднику ходит, а добычи домой не носит. В осенях ушел так-то да и с концом. Вот его нет, вот его нет... Куда девался? Сбили, конечно, народ, давай искать. А он, слышь-ко, на руднике у высокого камня мертвый лежит, ровно улыбается, и ружьишечко у него тут же в сторонке валяется, не стрелено из него. Которые люди первые набежали, сказывали, что около покойника ящерку зеленую видели, да такую большую, каких и вовсе в наших местах не бывало. Сидит будто над покойником, голову подняла, а слезы у ей так и каплют. Как люди ближе подбежали - она на камень, только ее и видели. А как покойника домой привезли да обмывать стали - глядят: у него одна рука накрепко зажата, и чуть видно из нее зернышки зелененькие. Полнехонька горсть. Тут один знающий случился, поглядел сбоку на зернышки и говорит:

- Да ведь это медный изумруд! Редкостный камень, дорогой. Целое богатство тебе, Настасья, осталось. Откуда только у него эти камешки?

Настасья - жена-то его - объясняет, что никогда покойник ни про какие такие камешки не говаривал. Шкатулку вот дарил ей, когда еще женихом был. Большую шкатулку, малахитову. Много в ей добренького, а таких камешков нету. Не видывала.

Стали те камешки из мертвой Степановой руки доставать, а они и рассыпались в пыль. Так и не дознались в ту пору, откуда они у Степана были. Копались потом на Красногорке. Ну, руда и руда, бурая с медным блеском. Потом уж кто-то вызнал, что это у Степана слезы Хозяйки Медной горы были. Не продал их, слышь-ко, никому, тайно от своих сохранил, с ними и смерть принял. А?

Вот она, значит, какая Медной горы Хозяйка!

Худому с ней встретиться - горе, и доброму - радости мало.

Серебряное копытце

П.П. Бажов ил в нашем заводе старик один, по прозвищу Кокованя. Семьи у Коковани не осталось, он и придумал взять в дети сиротку. Спросил у соседей, - не знают ли кого, а соседи и говорят:

- Недавно на Глинке осиротела семья Григория Потопаева. Старших-то девчонок приказчик велел в барскую рукодельню взять, а одну девчоночку по шестому году никому не надо. Вот ты и возьми ее.

- Несподручно мне с девчонкой-то. Парнишечко бы лучше. Обучил бы его своему делу, пособника бы растить стал. А с девчонкой как? Чему я ее учить-то стану?

Потом подумал-подумал и говорит:

- Знавал я Григория да и жену его тоже. Оба веселые да ловкие были. Если девчоночка по родителям пойдет, не тоскливо с ней в избе будет. Возьму ее. Только пойдет ли?

Соседи объясняют:

- Плохое житье у нее. Приказчик избу Григорьеву отдал какому-то горюну и велел за это сиротку кормить, пока не подрастет. А у того своя семья больше десятка. Сами не досыта едят. Вот хозяйка и въедается на сиротку, попрекает ее куском-то. Та хоть маленькая, а понимает. Обидно ей. Как не пойдет от такого житья! Да и уговоришь, поди-ка.

- И то правда, - отвечает Кокованя, - уговорю как-нибудь.

В праздничный день и пришел он к тем людям, у кого сиротка жила. Видит - полна изба народу, больших и маленьких. На голбчике, у печки, девчоночка сидит, а рядом с ней кошка бурая. Девчоночка маленькая, и кошка маленькая и до того худая да ободранная, что редко кто такую в избу пустит. Девчоночка эту кошку гладит, а она до того звонко мурлычет, что по всей избе слышно.

Поглядел Кокованя на девчоночку и спрашивает:

- Это у вас Григорьева-то подаренка? Хозяйка отвечает: - Она самая. Мало одной-то, так еще кошку драную где-то подобрала. Отогнать не можем. Всех моих ребят перецарапала, да еще корми ее!

- Неласковые, видно, твои ребята. У ней вон мурлычет. Потом и спрашивает у сиротки:

- Ну, как, подаренушка, пойдешь ко мне жить? Девчоночка удивилась:

- Ты, дедо, как узнал, что меня Даренкой зовут?

- Да так, - отвечает, - само вышло. Не думал, не гадал, нечаянно попал.

- Ты хоть кто? - спрашивает девчоночка.

- Я, - говорит, - вроде охотника. Летом пески промываю, золото добываю, а зимой по лесам за козлом бегаю, да все увидеть не могу.

- Застрелишь его?

- Нет, - отвечает Кокованя. - Простых козлов стреляю, а этого не стану. Мне посмотреть охота, в котором месте он правой передней ножкой топнет.

- Тебе на что это?

- А вот пойдешь ко мне жить, так все и расскажу, - ответил Кокованя.

Девчоночке любопытно стало про козла-то узнать. И то видит - старик веселый да ласковый. Она и говорит:

- Пойду. Только ты эту кошку Муренку тоже возьми. Гляди, какая хорошая.

- Про это, - отвечает Кокованя, - что и говорить. Такую звонкую кошку не взять - дураком остаться. Вместо балалайки она у нас в избе будет.

Хозяйка слышит их разговор. Рада-радехонька, что Кокованя сиротку к себе зовет. Стала скорей Даренкины пожитки собирать. Боится, как бы старик не передумал.

Кошка будто тоже понимает весь разговор. Трется у ног-то да мурлычет:

- Пр-равильно придумал. Пр-равильно. Вот и повел Кокованя сиротку к себе жить. Сам большой да бородатый, а она махонькая и носишко пуговкой. Идут по улице, а кошечка ободранная за ними попрыгивает.

Так и стали жить вместе дед Кокованя, сиротка Даренка да кошка Муренка.

Жилипоживали, добра много не наживали, а на житье не плакались, и у всякого дело было.

Кокованя с утра на работу уходил, Даренка в избе прибирала, похлебку да кашу варила, а кошка Муренка на охоту ходила - мышей ловила. К вечеру соберутся, и весело им. Старик был мастер сказки сказывать, Даренка любила те сказки слушать, а кошка Муренка лежит да мурлычет:

- Пр-равильно говорит. Пр-равильно.

Только после всякой сказки Даренка напомнит:

- Дедо, про козла-то скажи. Какой он? Кокованя отговаривался сперва, потом и рассказал:

- Тот козел особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем - там и появится дорогой камень. Раз топнет - один камень, два топнет - два камня, а где ножкой бить станет - там груда дорогих камней.

Сказал это да и не рад стал. С той поры у Даренки только и разговору, что об этом козле.

- Дедо, а он большой?

Рассказал ей Кокованя, что ростом козел не выше стола, ножки тоненькие, головка легонькая. А Даренка опять спрашивает:

- Дедо, а рожки у него есть?

- Рожки-то, - отвечает, - у него отменные. У простых козлов на две веточки, а у него на пять веток.

- Дедо, а он кого ест?

- Никого, - отвечает, - не ест. Травой да листом кормится. Ну, сено тоже зимой в стожках подъедает.

- Дедо, а шерстка у него какая?

- Летом, - отвечает, - буренькая, как вот у Муренки нашей, а зимой серенькая.

- Дедо, а он душной? Кокованя даже рассердился:

- Какой же душной! Это домашние козлы такие бывают, а лесной козел, он лесом и пахнет.

Стал осенью Кокованя в лес собираться. Надо было ему поглядеть, в которой стороне козлов больше пасется. Даренка и давай проситься:

- Возьми меня, дедо, с собой. Может, я хоть сдалека того козлика увижу.

Кокованя и объясняет ей:

- Сдалека-то его не разглядишь. У всех козлов осенью рожки есть. Не разберешь, сколько на них веток. Зимой вот - дело другое. Простые козлы безрогие ходят, а этот, Серебряное копытце, всегда с рожками, хоть летом, хоть зимой. Тогда его сдалека признать можно.

Этим и отговорился. Осталась Даренка дома, а Кокованя в лес ушел.

Дней через пять воротился Кокованя домой, рассказывает Даренке:

- Ныне в Полдневской стороне много козлов пасется. Туда и пойду зимой.

- А как же, - спрашивает Даренка, - зимой-то в лесу ночевать станешь?

- Там, - отвечает, - у меня зимний балаган у покосных ложков поставлен. Хороший балаган, с очагом, с окошечком. Хорошо там.

Даренка опять спрашивает:

- Серебряное копытце в той же стороне пасется?

- Кто его знает. Может, и он там. Даренка тут и давай проситься:

- Возьми меня, дедо, с собой. Я в балагане сидеть буду. Может, Серебряное копытце близко подойдет, - я и погляжу.

Старик сперва руками замахал:

- Что ты! Что ты! Статочное ли дело зимой по лесу маленькой девчонке ходить! На лыжах ведь надо, а ты не умеешь. Угрузнешь в снегу-то. Как я с тобой буду? Замерзнешь еще!

Только Даренка никак не отстает:

- Возьми, дедо! На лыжах-то я маленько умею. Кокованя отговаривал-отговаривал, потом и подумал про себя:

"Сводить разве? Раз побывает, в другой не запросится". Вот он и говорит:

- Ладно, возьму. Только, чур, в лесу не реветь и домой до времени не проситься.

Как зима в полную силу вошла, стали они в лес собираться.

Уложил Кокованя на ручные санки сухарей два мешка, припас охотничий и другое, что ему надо. Даренка тоже узелок себе навязала. Лоскуточков взяла кукле платье шить, ниток клубок, иголку да еще веревку.

"Нельзя ли, - думает, - этой веревкой Серебряное копытце поймать?"

Жаль Даренке кошку свою оставлять, да что поделаешь. Гладит кошку-то на прощанье, разговаривает с ней:

- Мы, Муренка, с дедом в лес пойдем, а ты дома сиди, мышей лови. Как увидим Серебряное копытце, так и воротимся. Я тебе тогда все расскажу.

Кошка лукаво посматривает, а сама мурлычет:

- Пр-равильно придумала. Пр-равильно.

Пошли Кокованя с Даренкой. Все соседи дивуются:

- Из ума выжил старик! Таковую маленькую девчонку в лес зимой повел!

Как стали Кокованя с Даренкой из заводу выходить, слышат - собачонки что-то сильно забеспокоились. Такой лай да визг подняли, будто зверя на улицах увидали. Оглянулись, - а это Муренка серединой улицы бежит, от собак отбивается. Муренка к той поре поправилась. Большая да здоровая стала. Собачонки к ней и подступиться не смеют.

Хотела Даренка кошку поймать да домой унести, только где тебе! Добежала Муренка до лесу да и на сосну. Пойди поймай!

Покричала Даренка, не могла кошку приманить. Что делать? Пошли дальше.

Глядят, - Муренка стороной бежит. Так и до балагана добралась.

Вот и стало их в балагане трое. Даренка хвалится:

- Веселее так-то. Кокованя поддакивает:

- Известно, веселее.

А кошка Муренка свернулась клубочком у печки и звонко мурлычет:

- Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Козлов в ту зиму много было. Это простых-то. Кокованя каждый день то одного, то двух к балагану притаскивал. Шкурок у них накопилось, козлиного мяса насолили - на ручных санках не увезти. Надо бы в завод за лошадьёю сходить, да как Даренку с кошкой в лесу оставить! А Даренка попривыкла в лесу-то. Сама говорит старику:

- Дедо, сходил бы ты в завод за лошадьёю. Надо ведь солонину домой перевезти. Кокованя даже удивился:

- Какая ты у меня разумница, Дарья Григорьевна! Как большая рассудила. Только забоишься, поди, одна-то.

- Чего, - отвечает, - бояться. Балаган у нас крепкий, волкам не добиться. И Муренка со мной. Не забоюсь. А ты поскорее ворочайся все-таки!

Ушел Кокованя. Осталась Даренка с Муренкой. Днем-то привычно было без Коковани сидеть, пока он козлов выслеживал... Как темнеть стало, запобаивалась. Только глядит - Муренка лежит спокойнехонько. Даренка и повеселела. Села к окошечку, смотрит в сторону покосных ложков и видит - по лесу какой-то комочек катится. Как ближе подкатился, разглядела - это козел бежит. Ножки тоненькие, головка легонькая, а на рожках по пяти веточек.

Выбежала Даренка поглядеть, а никого нет. Воротилась да и говорит:

- Видно, задремала я. Мне и показалось. Муренка мурлычет:

- Пр-равильно говоришь. Пр-равильно. Легла Даренка рядом с кошкой да и уснула до утра. Другой день прошел. Не воротился Кокованя. Скучененько стало Даренке, а не плачет. Гладит Муренку да приговаривает:

- Не скучай, Муренушка! Завтра дедо непременно придет.

Муренка свою песенку поет:

- Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Посидела опять Даренушка у окошка, полюбовалась на звезды. Хотела спать ложиться, вдруг по стенке топоток прошел. Испугалась Даренка, а топоток по другой стене, потом по той, где окошечко, потом - где дверка, а там и сверху запостукивало. Не громко, будто кто легонький да быстрый ходит. Даренка и думает:

"Не козел ли тот вчерашний прибежал?"

И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит, а козел - тут, вовсе близко. Правую переднюю ножку поднял - вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках. Даренка не знает, что ей делать, да и манит его как домашнего:

- Ме-ка! Ме-ка!

Козел на это как рассмеялся. Повернулся и побежал.

Пришла Даренушка в балаган, рассказывает Муренке:

- Поглядела я на Серебряное копытце. И рожки видела, и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой дорогие камни выбивает. Другой раз, видно, покажет.

Муренка, знай, свою песенку поет:

- Пр-равильно говоришь. Пр-равильно.

Третий день прошел, а все Коковани нет. Вовсе затуманилась Даренка. Слезки запokaпывали. Хотела с Муренкой поговорить, а ее нету. Тут вовсе испугалась Даренушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Даренка - кошка близко на покосном ложе сидит, а перед ней козел. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Муренка головой покачивает, и козел тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать. Бежит-бежит козел, остановится и давай копытцем бить. Муренка подбежит, козел дальше отскочит и опять копытцем бьет. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились.

Тут вспрыгнул козел на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, изпод ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зеленые, бирюзовые - всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорогих камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козел стоит - и все бьет да бьет серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются. Вдруг

Муренка скок туда же. Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Муренки, ни Серебряного копытца не стало.

Кокованя сразу полшапки камней нагреб, да Даренка запросила:

- Не тронь, дедо! Завтра днем еще на это поглядим.

Кокованя и послушался. Только к утру-то снег большой выпал. Все камни и засыпало. Перегребали потом снег-то, да ничего не нашли. Ну, им и того хватило, сколько Кокованя в шапку нагреб.

Все бы хорошо, да Муренки жалко. Больше ее так и не видали, да и Серебряное копытце тоже не показался. Потешил раз, - и будет.

А по тем покосным ложкам, где козел скакал, люди камешки находить стали. Зелененькие больше. Хризолитами называются. Видали?

Чугунная бабушка

П.П. Бажов

ротив наших каслинских мастеров по фигурному литью никто выстоять не мог. Сколько заводов кругом, а ни один вровень не поставишь.

Другим заводчикам это не вовсе по нраву приходилось. Многие охотились своим литьем каслинцев обогнать, да не вышло.

Демидовы тагильские сильно косились. Ну как - первый, можно сказать, по здешним местам завод считался, а тут нако - по литью оплошка. Связываться все таки не стали, отговорку придумали:

- Мы бы легонько каслинцев перешагнули, да заниматься не стоит: выгоды мало.

С Шуваловыми лысьвенскими смешнее вышло. Те, понимаешь, врезались в это дело. У себя, на Кусье-Александровском заводе, сказывают, придумали тоже фигурным литьем заняться. Мастеров с разных мест понавели, художников наняли. Не один год этак-то пыжились и денег, говорят, не жалели, а только видят - в ряд с каслинским это литье не поставишь. Махнули рукой да и говорят, как Демидовы:

- Пускай они своими игрушками тешатся, у нас дело посерьезнее найдется.

Наши мастера меж собой пересмеиваются:

- То-то! Займитесь-ко чем посподручнее, а с нами не спорьте. Наше литье, поди ко, по всему свету на отличку идет. Одним словом, каслинское.

В чем тут главная точка была, сказать не умею. Кто говорил - чугуном здешний особенный, только, на мой глаз, чугун - чугуном, а руки - руками. Про это ни в каком деле забывать не след.

В Каслях, видишь, это фигурное литье с давних годов укоренилось. Еще при бытности Зотовых, когда они тут над народом изгаляничали, художники в Каслях живали. Народ, значит, и приобьик.

Тоже ведь фигурка, сколь хорошо ее ни слепит художник, сама в чугун не заскочит. Умелыми да ловкими руками ее переводить доводится.

Формовщик хоть и по готовому ведет, а его рука много значит. Чуть оплошал - уродец родится.

Дальше чеканка пойдет. Тоже не всякому глазу да руке впору. При отливке, известно, всегда какой ни на есть изъян случится. Ну, наплывчик выбежит, шадринки высыплет, вмятины тоже бывают, а чаще всего путцы под рукой путаются. Это пленочки так понашему зовутся. Чеканщику и приходится все эти изъяны подправить: наплывчики загладить, шадринки сбить, путцы срубить. Со стороны глядя, и то видишь - вовсе тонкое это дело, не всякой руке доступно.

Бронзировка да покраска проще кажутся, а изведай - узнаешь, что и тут всяких хитростей тонкостей много.

А ведь все это к одному шло. Оно и выходит, что около каслинского фигурного литья, кроме художников, немало народу ходило. И набирался этот народ из того десятка, какой не от всякой сотни поставишь. Многие, конечно, по тем временам вовсе неграмотные были, а дарованье к этому делу имели.

Фигурки, по коим литье велось, не все заводские художники готовили. Больше того их со стороны привозили. Которое, как говорится, из столицы, которое - из-за границы, а то и просто с толчка. Ну, мало ли, - приглянется заводским барам какая вещичка, они и посылают ее в Касли с наказом:

- Отлейте по этому образцу, к такому-то сроку. Заводские мастера отольют, а сами про всякую отливку посудачат.
- Это, не иначе, француз придумал. У них, знаешь, всегда так: либо веселенький узорчик пустят, либо выдумку почудней. Вроде вон парня с крылышками на пятках. Кузьмич из красивой еще его торгованом Меркушкой зовет.
- Немецкую работу, друг, тоже без ошибки узнать можно. Как лошадка поглаже да посытее, либо бык пудов этак на сорок, а то барыня погрузнее, в полном снаряде да еще с собакой, так и знай - без немецкой руки тут не обошлось. Потому - немец первым делом о сытости думает.

Ну вот. В числе прочих литейщиков был в те годы Торокин Василий Федорыч. В пожилых считался. Дядей Васей в литейном его звали.

Этот дядя Вася с малых лет на формовке работал и, видно, талант к этому делу имел. Даром что неграмотный, а лучше всех доводил. Самые тонкие работы ему доверяли.

За свою-то жизнь дядя Вася не одну тысячу отливок сделал, а сам дивится:

- Придумывают тоже! Все какие-то Еркюлесы да Лукавоны! А нет того, чтобы понятное показать.

С этой думкой стал захаживать по вечерам в мастерскую, где главный заводской художник учил молодых ребят рисунку и лепке тоже.

Формовочное дело, известно, с лепкой-то по соседству живет: тоже приметливого глаза да ловких пальцев требует.

Поглядел дядя Вася на занятия да и думает про себя: "А ну-ко, попробую сам". Только человек возрастной, свои ребята уж большенькие стают - ему и стыдно в таких годах ученьем заниматься. Так он что придумал? Вкрадче от своих-то семейных этим делом занялся. Как уснут все, он и садится за работу. Одна жена знала. От нее, понятно, не ухоронишься. Углядела, что мужик засиживаться стал, спрашивает:

- Ты что, отец, полуночничаешь? Он сперва отговаривался:

- Работа, дескать, больно тонкая прилась, а пальцы одубели, вот и разминаю их.

Жена все-таки доспрашивает, да его и самого тянет сказать про свою затею.

Не зря, поди-ко, сказано: сперва подумай с подушкой, потом с женой. Ну, он и рассказал:

- Так и так... Придумал свой образец для отливки сготовить.

Жена посомневалась:

- Барское, поди-ко, это дело. Они к тому ученые, а ты что?

- Вот то-то, - отвечает, - и горе, что бары придумывают непонятное, а мне охота простое показать. Самое, значит, житейское. Скажем, бабку Анисью вылепить, как она прядет. Видела?

- Как, - отвечает, - не видела, коли чуть не каждый день к ним забегаю.

А по соседству с ними Бескресновы жили. У них в семье бабушка была, вовсе преклонных лет. Внучата у ней выросли, работы по дому сама хозяйка справляла, и у этой бабки досуг был. Только она - рабочая косточка - разве может без дела? Она и сидела день-деньской за пряжей, и все, понимаешь, на одном месте, у кадушки с водой. Дядя Вася эту бабку и заприметил. Нет-нет, и зайдет к соседям будто за делом, а сам на бабку смотрит. Жене, видно поглянулась мужнина затея. - Что ж, - говорит, - старушка стоящая. Век прожила, худого о ней никто не скажет.

Работящая, характером уветливая, на разговор нескупая. Только примут ли на заводе?

- Это, - отвечает, - полбеда, потому - глина некупленная и руки свои.

Вот и стал дядя Вася лепить бабку Анисью со всем, сказать по-нонешнему, рабочим местом. Тут тебе и кадушка, и ковшичек сбоку привешен, и бабка сидит, сухонькими пальцами нитку подкручивает, а сама маленько на улыбке - вот-вот ласковое слово скажет.

Лепил, конечно, по памяти. Старуха об этом и не знала, а Васина жена сильно любопытствовала. Каждую ночь подойдет и свою заметочку скажет:

- Потуже ровно надо ее подвязать. Не любит бабка распустехой ходить, да и не постарушечьи этак-то платок носить.

- Ковшик у них будет поменьше. Нарочно давеча поглядела.

Ну, и прочее такое. Дядя Вася о котором поспорит, которое на приметку берет.

Ну, вылепил фигурку. Тут на него раздумье нашло - показывать ли? Еще на смех подымут!

Все-таки решился, пошел сразу к управляющему. На счастье дяди Васи, управляющий тогда из добрых пришелся, неплохую память о себе в заводе оставил. Поглядел он торокинскую работу, понял, видно, да и говорит:

- Подожди маленько - придется мне посоветоваться. Ну, прошло сколько-то времени, пришел дядя Вася домой, подает жене деньги.

- Гляди-ко, мать, деньги за модельку выдали! Да еще бумажку написали, чтоб вперед выдумывал, только никому, кроме своего завода, не продавал.

Так и пошла торокинская бабка по свету гулять. Сам же дядя Вася ее формовал и отливал. И, понимаешь, оказалась ходким товаром. Против других-то заводских поделок ее вовсе бойко разбирать стали.

Дядя Вася перестал в работе таиться. Придет из литейной и при всех с глиной вожгается. Придумал на этот раз углевоза слепить, с коробом, с лошадьё, всё как на деле бывает.

На дядю Васю глядя, другие заводские мастера осмелели - тоже принялись лепить да резать, кому что любо. Подставку, скажем, для карандашей вроде рабочего бахила, пепельницу на манер капустного листка. Кто опять придумал вырезать девушку с корзинкой груздей, кто свою собачонку Шарика лепит-старается. Одним словом, пошлопоехало, живым потянуло.

Радуются все. Торокинскую бабку добром поминают:

- Это она всем нам дорожку показала. Только недолго так-то было. Вдруг полный поворот вышел. Вызвал управляющий дядю Васю и говорит:

- Вот что, Торокин... Считаю я тебя самолучшим мастером, потому от работы в заводе не отказываю. Только больше лепить не смей. Оконфузил ты меня своей моделькой.

А прочих, которые по торокинской дорожке пошли - лепить да резать стали, - тех всех до одного с завода прогнал.

Люди, понятно, как очумелые стали: за что, про что такая напасть? Кинулись к дяде Васе:

- Что такое? О чем с тобой управляющий разговаривал?

Дядя Вася не потаил, рассказал, как было. На другой день его опять к управляющему потянули. Не в себе вышел, в глаза не глядит, говорит срыву:

- Ты, Торокин, лишних слов не говори! Велено мне тебя в первую голову с завода вышвырнуть. Так и в бумаге написано. Только семью твою жалеючи, оставляю.

- Коли так, - отвечает дядя Вася, - могу и сам уйти. Прокормлюсь как-нибудь на стороне.

Управляющему, видно, вовсе стыдно стало.

- Не могу, - говорит, - этого допустить, потому как сам тебя, можно сказать, в это дело втравил. Подожди, может, еще переменится. Только об этом разговоре никому не сказывай.

Управляющий-то, видишь, сам в этом деле по-другому думал. Которые поближе к нему стояли, те сказывали - за большую себе обиду этот барский приказ принял, при других жаловался:

- Кабы не старость, дня бы тут лишнего не прожил. Он - управляющий этот - с характером мужик был, вовсе ершистый. Чуть не по нему, сейчас:

- Живите, не тужите, обо мне не скучайте! Я по вам и подавно тосковать не стану, потому владельцев много, а настояще знающих по заводскому делу нехватка. Найду место, где дураков поменьше, толку побольше.

Скажет так и вскорости на другое место уедет. По многим заводам хорошо знали его. Рабочие везде одобряли, да и владельцы хватались. Сманивали даже. Все, понятно, знали - человек беспокойный, не любит, чтоб его под локоть толкали, зато умеет много лишних рублей находить на таких местах, где другие ровным счетом ничего не видят. Владельцев заводских это и приманивало.

Перед Каслями-то этот управляющий на Омутинских заводах служил, у купцов Пастуховых. Разругался из за купецкой прижимки в копейках. Думал - в Каслях попроще

с этим будет, а вон что вышло: управляющий целым округом не может на свой глаз модельку выбрать. Кому это по нраву придется?

Управляющий и обижался, а уж, видно, остарел, помяк характером-то, побаиваться стал. Вот он и наказывал дяде Васе, чтоб тот помалкивал.

Дяде Васе как быть? Передал все-таки потихоньку эти слова товарищам. Те видят - не тут началось, не тут и кончится. Стали доискиваться да и разузнали все до тонкости.

Каслинские заводы, видишь, за наследниками купцов Расторгуевых значились. А это уж так повелось - где богатое купецкое наследство, там непременно какой-нибудь немец пристроился. К Расторгуевскому подобрался фон-барон Меллер да ещё Закомельский. Чуешь, какой коршун? После пятого году на все государство прославился палачом да вешателем.

В ту пору этот Меллер-Закомельский еще молодым жеребчиком ходил. Только что на Расторгуевой женился и вроде как главным хозяином стал.

Их ведь - наследников-то расторгуевских - не один десяток считался, а весили они поразному. У кого частей мало, тот мало и значил. Меллер больше всех частей получил, - вот и вышел в главного.

У этого Меллера была в родне какая-то тетка Каролина. Она будто Меллера и воспитала. Вырастила, значит, дубину на рабочую спину. Тоже, сказывают, важная барыня - баронша. Приезжала она к нам на завод. Кто видел, говорили - сильно сытая, вроде стоячей перины, ежели сдала поглядеть.

И почему-то эта тетка Каролина считалась понимающей в фигурном литье. Как новую модель выбирать, так Меллер завсегда с этой теткой совет держал. Случалось, она и одна выбирала. В литейном подсмеивались:

- Подобрано на немецкой тетки глаз - нашему брату не понять.

Ну, так вот... Уехала эта немецкая тетка Каролина куда-то за границу. Долго там ползала. Кто говорит - лечилась, кто говорит - забавлялась на старости лет. Это ее дело. Только в ту пору как раз торокинская чугунная бабушка и выскочила, а за ней и другие такие штучки воробушками вылетать стали и ходко по рукам пошли.

Меллеру, видно, не до этого было, либо он на барыши позарился, только облегчение нашим мастерам и случилось. А как приехала немецкая тетка домой, так сразу перемена делу вышла.

Визгом да слюной чуть не изошлась, как увидела чугунную бабушку. На племянничка своего поднялась, корит его всяко в том смысле: скоро, дескать, до того дойдешь, что своего кучера либо дворника себе на стол поставишь. Позор на весь свет!

Меллер, видно, умишком небогат был, забеспокоился:

- Простите-извините, любезная тетушка, недоглядел. Сейчас дело поправим.

И пишет выговор управляющему со строгим предписанием - всех нововыявленных заводских художников немедленно с завода долой, а модели их навсегда запретить.

Так вот и плюнула немецкая тетка Каролинка со своим дорогим племянничком нашим каслинским мастерам в самую душу. Ну, только чугунная бабушка за все отплатила.

Пришла раз Каролинка к важному начальнику, с которым ей говорить-то с поклоном надо. И видит - на столе у этого начальника, на самом видном месте, торокинская работа стоит. Каролинка, понятно, смолчала бы, да хозяин сам спросил:

- Ваших заводов литье?

- Наших, - отвечает.

- Хорошая, - говорит, - вещица. Живым от нее пахнет.

Пришлось Каролинке поддакивать:

- О, та! Очень превосходный рапот.

Другой раз случай за границей вышел. Чуть ли не в Париже. Увидела Каролинка торокинскую работу и давай всякую пустяковину молоть:

- По недогляду, дескать, эта отливка прошла. Ничем эта старушка не замечательна.

Каролинке на это вежливенько и говорят:

- Видать, вы мадама, без понятия в этом деле. Тут живое мастерство ценится, а оно всякому понимающему сразу видно.

Пришлось Каролинке и это проглотить.

Приехала домой, а там любезный племянничек пеняет:

- Что же вы, дорогая тетушка, меня конфузите да в убыток вводите. Отливки-то, которые по вашему выбору, вовсе никто не берет. Совладельцы даже обижаются, да и в газетах нехорошо пишут.

И подает ей газетку, а там прописано про наше каслинское фигурное литье. Отливка, дескать, лучше нельзя, а модели выбраны - никуда. К тому подведено, что выбор доверен не тому, кому надо.

- Либо, - говорит, - в Каслях на этом деле сидит какой чудак с чугунными мозгами, либо оно доверено старой барыне немецких кровей.

Кто-то, видно, прямо метил в немецкую Каролинку. Может, заводские художники дотолкали.

Меллер-Закомельский сильно старался узнать, кто написал, да не добился. А Каролинку после того случая пришлось все-таки отстранить от заводского дела. Другие владельцы настояли. Так она, эта Каролинка, с той поры прямо тряслась от злости, как случится где увидеть торокинскую работу.

Да еще что? Стала эта чугунная бабушка мерещиться Каролинке.

Как останется в комнате одна, так в дверях и появится эта фигурка и сразу начинает расти. Жаром от нее несет, как от неостывшего литья, а она еще предупреждает:

- Ну-ко, ты, перекисло тесто, поберегись, кабы не изжарить.

Каролинка в угол забьется, визг на весь дом подымет, а прибегут - никого нет.

От этого перепугу будто и убралась к чертовой бабушке немецкая тетушка. Памятник-то в нашем заводе отливали. Немецкой, понятно, выдумки: крылья большие, а легкости нет. Старый Кузьмич перед бронзирровкой поглядел на памятник, поразбирал мудреную надпись да и говорит:

- Ангел яичко снес да и думает; то ли садиться, то ли подождать?

После революции в ту же чертову дыру замели Каролинкину родню - всех МеллеровЗакомельских, которые убежать не успели.

Полсотни годов прошло, как ушел из жизни с большой обидой неграмотный художник Василий Федорыч Торокин, а работа его и теперь живет. В разных странах на письменных столах и музейных полках сидит себе чугунная бабушка, сухонькими пальцами нитку подкручивает, а сама маленько на улыбе - вот-вот ласковое слово скажет:

- Погляди-ко, погляди, дружок, на бабку Анисью. Давно жила. Косточки мои, поди, в пыль рассыпались, а нитка моя, может, и посеичас внукам-правнукам служит. Глядишь, кто и помянет добрым словом. Честно, дескать, жизнь прожила и по старости сложа руки не сидела. Али взять хоть Васю Торокина. С пеленок его знала, потому в родстве мы да и по суседству. Мальчонком стал в литейную бегать. Добрый мастер вышел. С дорогим глазом, с золотой рукой. Изобидели его немцы, хотели его мастерство испоганить, а что вышло? Как живая, поди-ко, сию, с тобой разговариваю, памятку о мастере даю - о Василье Федорыче Торокине.

Так-то, милачок! Работа - она штука долговекая. Человек умрет, а дело его останется. Вот ты и смекай, как жить-то.

Герой сказа, рабочий Каслинского завода Василий Федорович Торокин, художниксамоучка, жил в конце XIX и начале XX века. Создал ряд прекрасных скульптур из чугуна.

Против нашей Ильменской каменной кладовухи, конечно, по всей земле места не найдешь. Тут и спорить нечего, потому - на всяких языках про это записано: в Ильменских горах камни со всего света лежат.

Такое место, понятно, мимо ленинского глазу никак пройти не могло. В 20-м году Владимир Ильич самоличным декретом объявил здешние места заповедными. Чтоб, значит, промышленников и хитников всяких по заливку, а сберечь эти горы для науки, на предбудущие времена.

Дело будто простое. Известно, ленинский глаз не то что по земле, под землей видел. Ну, и эти горы предусмотрел. Только наши старики горщики все-таки этому не совсем верят. Не может, дескать, так быть. Война тогда на полную силу шла. Без случая это дело не прошло. И по-своему рассказывают так.

Жили два артельных брата: Максим Вахоня да Садык Узеев, по прозвищу Сандугач. Один, значит, русский, другой из башкирцев, а дело у них одно - с малых лет по приискам да рудникам колотились и всегда вместе. Большая, сказывают, меж ними дружба велась, на удивление людям. А сами друг на дружку нисколько не походили. Вахоня - мужик тяжелый, борода до пупа, плечи ровно с подставышем, кулак - глядеть страшно, нога медвежья и разговор густой, буторовый.

Потихоньку загудит, и то мух в сторону на полсажени относит, а характеру мягкого. По пьяному делу, когда какой заноза раздражит, так только пригрозит:

- Отойди, парень, от греха! Как бы я тебя ненароком не стукнул.

Садык ростом не вышел, из себя тончавый, вместо бороденки семь волосков, и те не на месте, а жилу имел крепкую. Забойщик, можно сказать, тоже первой статьи. Бывает ведь так-то. Ровно и поглядеть не на кого, а в работе податен. Характера был веселого. Попеть, и поплясать, и на курае подудеть большой охотник. Недаром ему прозвище дали Сандугач, по-нашему соловей.

Вот эти Максим Вахоня да Садык Сандугач и сошлись в житье на одной тропе. Не все, конечно, на казну да хозяев добывали. Бывало, и сам-друг пески перелопачивали, - свою долю искали. Случалось, и находили, да в карманах не залежалось. Известно, старательскому счастью одна дорога была показана. Прогуляют всё, как полагается, и опять на работу, только куда-нибудь на новое место: там, может, веселее.

Оба бессемейные. Что им на одном месте сидеть! Собрали котомки, инструмент прихватили - и айда.

Вахоня гудит:

- Пойдем поглядим, в коем месте люди хорошо живут. Садык веселенько шагает да посмеивается:

- Шагай, Максимка, шагай! Новым мистам залотой писок сама рукам липнет. Дорогой каминь барадам скачит. Один раз твой барада полпуда станет.

- У тебя небось ни один не задержится, - отшучивался Вахоня и лешачиным обычаем гогочет: хо-хо-хо.

Так вот и жили два артельных брата. Хлебнули сладкого досыта: Садык в работе правый глаз потерял, Вахоня на левое ухо совсем не слышал.

На Ильменских горах они, конечно, не раз бывали. Как гражданская война началась, оба старика в этих же местах оказались. По горняцкому положению, конечно, оба по винтовке взяли и пошли воевать за Советскую власть. Потом, как Колчака в Сибирь отогнали, политрук и говорит:

- Пламенное, дескать, вам спасибо, товарищи старики, от лица Советской власти, а только теперь, как вы есть инвалиды подземного труда, подавайтесь на трудовой фронт. К тому же, - говорит, - фронтовую видимость нарушаете, как один кривой, а другой глухой. Старикам это обидно, а что поделаешь? Правильно политрук сказал - надо поглядеть, что на приисках делается. Пошли сразу к Ильменям, а там народу порядком набилось, и всё хита самая последняя. Этой ничего не жаль, лишь бы рублей побольше зашибить. Все ямы, шахты живо засыплет, коли выгодно покажется. За хитой, понятно, купец стоит, только себя не оказывает, прячется. Заподумывали наши старики - как быть? Сбегали в Миас, в Златоуст, обсказали, а толку не выходит. Отмахиваются:

- Не до этого теперь, да и на то главки есть. Стали спрашивать про эти главки, в голове муть пошла. По медному делу - одна главка, по золотому - другая, по каменному - третья. А как быть, коли на Ильменских горах всё есть. Старики тогда и порешили:

- Подадимся до самого товарища Ленина. Он небось найдет время.

Стали собираться. Только тут у стариков рассорка случилась. Вахоня говорит: для показу надо брать один дорогой камень, который в огранку принимают. Ну, и золотой песок тоже. А Садык свое заладил: всякого камня образец взять, потому дело научное.

Спорили, спорили, на том договорились: каждый соберет свой мешок, как ему лучше кажется.

Вахоня расстарался насчет цирконов да фенакитов. В Кочкарь сбегал, спроворил так эвклазиков синеньких да розовых топазиков. Золотого песку тоже. Мешочек у него аккуратный вышел, и камень все - самоцвет. А Садык наворотил, что и поднять не в силах. Вахоня грохочет:

- Хо-хо-хо. Ты бы все горы в мешок забил! Разберись, дескать, товарищ Ленин, которое к делу, которое никому не надо.

Садык на это в обиде.

- Глупый, - говорит, - ты, Максимка, человек, коли так бачку Ленина понимаешь. Ему научность надо, а базарная цена камню - наплевать.

Поехали в Москву.

Без ошибки в дороге, конечно, не обошлось. В одном месте Вахоня от поезда отстал. Садык хоть и в сердцах на него был, сильно запечалился, захворал даже. Как-никак всегда вместе были, а тут при таком важном деле разлучились. И с двумя мешками камней одному хлопотно. Ходят, спрашивают, не соль ли в мешках для спекуляции везешь? А как покажешь камни, сейчас пойдут расспросы, к чему такие камни, для личного обогащения али для музея какого? Одним словом, беспокойство.

Вахоня все-таки как-то исхитрился, догнал поезд под самой Москвой. До того друг другу обрадовались, что всю вагонную публику до слез насмешили: обниматься стали. Потом опять о камнях заспорили, который мешок нужнее, только уж помягче, с шуткой. Как к Москве подъезжать стали, Вахоня и говорит:

- Я твой мешок таскать буду. Мне сподручнее и не столь смешно. Ты поменьше, и мешок у тебя будет поменьше. Москва, поди-ко, а не Миас! Тут порядок требуется.

Первую ночь, понятно, на вокзале перебились, а с утра пошли по Москве товарища Ленина искать. Скоренько нашли и прямо в Совнарком с мешками ввалились. Там спрашивают, что за люди, откуда, по какому делу. Садык отвечает:

- Бачка Ленин желаим каминь казать. Вахоня тут же гудит:

- Места богатые. От хиты ухранить надо. Дома толку не добились. Беспременно товарища Ленина видеть требуется.

Ну, провели их к Владимиру Ильичу. Стали они дело обсказывать, торопятся, друг дружку перебивают.

Владимир Ильич послушал, послушал и говорит:

- Давайте, други, поодиночке. Дело, гляжу, у вас государственное, его понять надо.

Тут Вахоня, откуда и прыть взялась, давай свои дорогие камешки выкладывать, а сам гудит: из такой ямы, из такой шахты камень взял, и сколько он на рубли стоит.

Владимир Ильич и спрашивает:

- Куда эти камни идут?

Вахоня отвечает - для украшения больше. Ну, там перстни, серьги, буски и всякая такая штука. Владимир Ильич задумался, полюбовался маленько камешками и сказал:

- С этим погодить можно.

Тут очередь до Садыка дошла. Развязал он свой мешок и давай камни на стол выбрасывать, а сам приговаривает:

- Амазон-каминь, калумбит-каминь, лабрадор-каминь... Владимир Ильич удивился:

- У вас, смотрю, из разных стран камни.

- Так, бачка Ленин! Правда говоришь. Со всякой стороны каминь сбежался. Каменный мозга-каминь, и тот есть. В Еремеевской яме солнечный каминь находили.

Владимир Ильич тут улыбнулся и говорит:

- Каменный мозг нам, пожалуй, ни к чему. Этого добра и без горы найдется. А вот солнечный камень нам нужен. Веселее с ним жить.

Садык слышит этот разговор и дальше старается:

- Потому, бачка Ленин, наш каминь хорош, что его солнышком крепко прогревает. В том месте горы поворот дают и в степь выходят.

- Это, - говорит Владимир Ильич, - всего дороже, что горы к солнышку повернулись и от степи не отгораживают.

Тут Владимир Ильич позвонил и велел все камни переписать и самый строгий декрет изготовить, чтоб на Ильменских горах всю хиту прекратить и место это заповедным сделать. Потом поднялся на ноги и говорит:

- Спасибо вам, старики, за заботу. Большое вы дело сделали!

Государственное! - и руки им, понимаешь, пожал.

Ну, те, понятно, вне ума стоят. У Вахони вся борода слезами, как росой, покрылась, а Садык бородежкой трясет да приговаривает:

- Ай, бачка Ленин! Ай, бачка Ленин!

Тут Владимир Ильич написал записку, чтоб определить стариков сторожами в заповедник и пенсии им назначить.

Только наши старики так и не доехали до дому. По дорогам в ту пору, известно, как возили. Поехали в одно место, а угадали в другое. Война там, видно, кипела, и, хотя один был глухой, а другой кривой, оба снова воевать пошли.

С той поры об этих стариках и слуху не было, а декрет о заповеднике вскорости пришел. Теперь этот заповедник Ленинским зовется.

Синюшкин колодец

П.П. Бажов

Жил в нашем заводе парень Илья. Вовсе бобылем остался - всю родню схоронил. И от всех ему наследство досталось.

От отца - руки да плечи, от матери - зубы да речи, от деда Игната - кайла да лопата, от бабки Лукерьи - особый поминонок. Об этом и разговор сперва.

Она, видишь, эта бабка, хитрая была - по улицам перья собирала, подушку внучку готовила, да не успела. Как пришло время умирать, позвала бабка Лукерья внука и говорит:

- Гляди-ка, друг Илюшенька, сколь твоя бабка пера накопила! Чуть не полное решето! Да и перышки какие! Одно к одному - мелконькие да пестренькие, глядеть любо! Прими в поминонок - пригодится!

Как женишься да принесет жена подушку, тебе и не зазорно будет: не в диковинку-де мне - свои перышки есть, еще от бабки остались.

Только ты за этим не гонись, за подушкой-то! Принесет - ладно, не принесет

- не тужи. Ходи веселенько, работай крутенько, и на сололке не худо поспишь, сладкий сон увидишь. Как худых дум в голове держать не станешь, так и все у тебя ладно пойдет, гладко покатится. И белый день взвеселит, и темна ноченька приголубит, и красное солнышко обрадует. Ну, а худые думки заведешь, тут хоть в пень головой - все немило станет.

- Про какие, - спрашивает Илья, - ты, бабушка, худые думки сказываешь?

- А это, - отвечает, - про деньги да про богатство. Хуже их нету. Человеку от таких думок одно расстройство да маята напрасная. Чисто да по совести и пера на подушке не наскрести, не то что богатство получить.

- Как же тогда, - спрашивает Илья, - про земельное богатство понимать? Неуж ни за что считаешь? Бывает ведь...

- Бывать-то бывает, только ненадежно дело: комочками приходит, пылью уходит, на человека тоску наводит. Про это и не думай, себя не беспокой! Из земельного богатства, сказывают, одно чисто да крепко. Это когда бабка Синюшка красной девкой обернется да сама своими рученьками человеку подаст. А дает Синюшка богатство гораздому да удалому, да простой душе. Больше никому. Вот ты и попомни, друг Илюшенька, этот мой последний наказ.

Поклонился тут Илья бабке:

Спасибо тебе, бабка Лукерья, за перья, а пуще всего за наставленье. Век его не забуду.

Вскорости умерла бабка... Остался Илюха один-одинешенек, сам большой, сам маленький. Тут, конечно, похоронные старушонки набежали, покойницу обмыть, обрядить, на погост проводить. Они - эти старушонки - тоже не от сладкого житья по покойникам бегают. Одно выпрашивают, другое выглядывают. Живо все бабкино обзаведенье по рукам расхватали. Воротился Илья с могильника, а в избе у него голымголахонько. Только то и есть, что сам сейчас на спицу повесил: зипун да шапка. Кто-то и бабкиным пером покорыстовался: начисто выгреб из решета. Только три перышка в решете зацепилось. Одно беленькое, одно черненькое, одно рыженькое.

Пожалел Илья, что не уберег бабкин поминок.

"Надо, - думает, - хоть эти перышки к месту прибрать, а то нехорошо как-то. Бабка от всей души старалась, а мне будто и дела нет".

Подобрал с полу каку-то синюю ниточку, перевязал эти перышки натуго да и пристроил себе на шапку.

"Тут, - думает, - самое им место. Как надевать либо снимать шапку, так и вспомнишь бабкин наказ. А он, видать, для жизни полезный. Всегда его в памяти держать надо".

Надел потом шапку да зипун и пошел на прииск. Избушку свою и запирать не стал, потому в ней - ничем-ничего. Одно пустое решето, да и то с дороги никто не подберет.

Илья возрастной парень был, давно в женихах считался. На прииске-то он годов шесть либо семь робил. Тогда ведь, при крепости-то, с малолетства людей на работу загоняли. До женитьбы иной, глядишь, больше десятка годов уж на барина отхлещет. И этот Илья, прямо сказать, вырос на прииске.

Места тут он знал вдоль и поперек. Дорога на прииск не близкая. На Гремихе, сказывают, тогда добывали чуть не у Белого камня. Вот Илюха и придумал:

"Пойду-ко я через Зюзельско болотце. Вишь, жарынь какая стоит. Подсохло, поди, оно, - пустит перебраться. Глядишь, и выгадаю версты три, а то и все четыре..."

Сказано - сделано. Пошел Илья лесом напрямую, как по осеням с прииска и на прииск бегали. Сперва ходко шел, потом намаялся и с пути сбился. По кочкам-то ведь не по прямой дороге. Тебе надо туда, а кочки ведут вовсе не в ту сторону. Скакал-скакал, до поту наскакался. Ну, выбрался в какой-то ложок. Посредине место пониже. Тут трава растет - горчик да метлика. А с боков взгорочки, а на них сосна жаровая. Вовсе, значит, сухое место пошло. Одно плохо - не знает Илья, куда дальше идти. Сколько раз по этим местам бывал, а такого ложочка не видывал.

Вот Илья и пошел серединой, меж взгорочков-то. Шел-шел, видит - на полянке окошко круглое, а в нем вода, как в ключе, только дна не видно. Вода будто чистая, только сверху синенькой тенеткой подернулась и посредине паучок сидит, тоже синий.

Илюха обрадовался воде, отпахнул рукой тенетку и хотел напиться. Тут у него голову и обнесло, - чуть в воду не сунулся и сразу спать захотел.

"Вишь, - думает, - как притомило меня болото. Отдохнуть, видно, надо часок".

Хотел на ноги подняться, а не может. Отполз все ж таки сажени две ко взгорочку, шапку под голову да и растянулся. Глядит, - а из того водяного окошка старушонка вышла.

Ростом не больше трех четвертей. Платьишко на ней синее, платок на голове синий и сама вся синехонька, да такая тощая, что вот подует ветерок - и разнесет старушонку. Однако глаза у ней молодые, синие да такие большие, будто им тут вовсе и не место.

Уставилась старушонка на парня и руки к нему протянула, а руки все растут да растут. Того и гляди, до головы парню дотянутся. Руки ровно жиденькие, как туман синий, силы в них не видно, и ногтей нет, а страшно. Хотел Илья подальше отползти, да силы вовсе не стало.

"Дай, - думает, - отвернусь, - все не так страшно".

Отвернулся да носом-то как раз в перышки и ткнулся. Тут на Илью почихота нашла. Чихал-чихал, кровь носом пошла, а все конца-краю нет. Только чует - голове-то много легче стало. Подхватил тут Илья шапку и на ноги поднялся. Видит - стоит старушонка на том же месте, от злости трясется. Руки у нее до ног Илье дотянулись, а выше-то от земли поднять их не может. Смекнул Илья, что у старухи оплошка вышла - сила не берет, прочихался, высморкался да и говорит с усмешкой:

- Что, взяла, старая? Не по тебе, видно, кусок!

Плюнул ей на руки-то да и пошел дальше. Старушонка тут и заговорила, да звонко так, вовсе по-молодому:

- Погоди, не радуйся! Другой раз придешь - головы не унесешь!

- А я и не приду, - отвечает Илья.

- Ага! Испугался, испугался! - зардовалась старушонка.

Илюхе это за обиду показалось. Остановился он да и говорит:

- Коли на то пошло, так нарочно приду - воды из твоего колодца вычерпнуть.

Старушонка засмеялась и давай подзадоривать парня:

- Хвастун ты, хвастун! Говорил бы спасибо своей бабке Лукерье, что ноги унес, а он еще похваляется! Да не родился еще такой человек, чтоб из здешнего колодца воду добыть.

- А вот поглядим, родился ли, не родился, - отвечает Илья.

Старушонка, знай, свое твердит:

- Пустомеля ты, пустомеля! Тебе ли воду добыть, коли подойти боишься. Пустые твои слова! Разве других людей приведешь. Посмелее себя!
- Этого, - кричит Илья, - от меня не дождешься, чтоб я стал других людей тебе подводить. Слыхал, поди-ка, какая ты вредная и чем людей обманываешь.

Старушонка одно заладила:

- Не придешь, не придешь! Где тебе! Такому-то! Тогда Илья и говорит:
- Ладно, нето. Как в воскресный день ветер хороший случится, так и жди в гости.
- Ветер тебе на что? - спрашивает старушонка.

Там видно будет, - отвечает Илья. - Ты только плевков-от с руки смой. Не забудь, смотри!
- Тебе, - кричит старушонка, - не все равно, какой рукой тебя на дно потяну? Хоть ты, вижу, и гораздый, а все едино мой будешь. На ветер да бабкины перья не надейся! Не помогут!

Ну, поругались так-то. Пошел Илья дальше, сам дорогу примечает и про себя думает: "Вот она какая, бабка Синюшка. Ровно еле живая, а глаза девичьи, погибельные, и голос, как у молоденькой, - так и звенит. Поглядел бы, как она красной девкой оборачивается".

Про Синюшку Илья много слыхал. На прииске не раз об этом говаривали. Вот, дескать, по глухим болотным местам, а то и по старым шахтам набегали люди на Синюшку. Где она сидит, тут и богатство положено. Сживи Синюшку с места - и откроется полный колодец золота да дорогих камней. Тогда и гребни, сколь рука взяла. Многие будто ходили искать, да либо ни с чем воротились, либо с концом загнули.

К вечеру выбрался Илюха на прииск. Смотритель приисковский напустился, конечно, на Илюху:

- Что долго?

Илья объяснил - так и так, бабку Лукерью хоронил. Смотрителю маленько стыдно стало, а все нашел придирку:

- Что это у тебя за перья на шапке? С какой радости нацепил?

- Это, - отвечает Илья, - бабкино наследство. Для памяти его тут пристроил.

Смотритель да и другие, кто близко случился, давай смеяться над таким наследством, а Илья говорит:

- Да, может, я эти перья на весь господский прииск не променяю. Потому - не простые они, а наговоренные. Белое вот - на веселый день, черное - на спокойную ночь, а рыженькое - на красное солнышко.

Шутит, конечно. Только тут парень был - Кузька Двоерылко. Он Илюхе-то ровесником приходился, в одном месяце именинниками были, а по всем статьям на Илюху не походил. Он, этот Двоерылко, вовсе со справного двора. По-доброму, такому парню и мимо прииска ходить не надо - полегче бы работа дома нашлась. Ну, Кузька давно около золота околачивался, свое смышлял, - не попадет ли штучка хорошая, а унести ее сумею. И верно, насчет того, чтобы чужое в свой карман прибрать, Двоерылко мастак был. Чуть кто недоглядел, - Двоерылко уже унес, и найти не могут. Одним словом, ворина.

По этому ремеслу у него и заметка была. Его, вишь, один старатель лопаткой черканул.

Скользом пришлось, а все же зарубка на память осталась - нос да губы пополам развалило. По этой приметке Кузьку и величали Двоерылком.

Этот Кузька крепко завидовал Илюхе. Тот, видишь, парень ядреный да могутный, крутой да веселый, - работа у него и шла податно. Кончил работу - поел да песню запел, а то и в пляс пошел. На артелке ведь и это бывает. Против такого парня где же равняться Двоерылкому, коли у него ни силы, ни охоты, да и на уме вовсе другое. Только Кузька посвоему об этом понимал: "Не иначе, знает Илюшка какую-то словинку, - то он и удачливый, и по работе ему устатка нет".

Как про перышки то Илья сказал, Кузька и смекнул про себя: "Вот она - Илюшкина словинка".

Ну, известно, в ту же ночь и украл эти перышки.

На другой день хватился Илья - где перышки? Думает, обронил. Давай искать по приискуто. Над Ильей подсмеиваться стали:

- Ты в уме ли, парень! Сколько ног тут топчется, а ты какие-то махонькие перышки ищешь! В пыль, поди, их стоптали. Да и на что они тебе?

- Как, - отвечает, - на что, коли это бабкина памятка?

- Памятку, - говорят, - надо в крепком месте либо в голове держать, а не на шапке таскать.

Илья и думает - правду говорят, - и перестал те перышки искать. Того ему и на мысли не пало, что они худыми руками взяты.

У Кузьки своя забота - за Илюхой доглядывать, как у него теперь дело пойдет, без бабкиных перышек. Вот и узрил, что Илья ковш старательский взял да к лесу пошел. Двоерылко за Ильей - думает, не смывку ли где наладил. Ну, никакой смывки не оказалось, а стал Илья тот ковш на жердинку насаживать. Сажени четыре жердинка. Все для смывки несподручно. К чему бы это? Еще пуще Кузька насторожился.

Дело-то к осени пошло, крепко подувать стало. В субботу, как рабочих с прииска домой отпускали, Илья тоже домой запросился. Смотритель сперва покочевряжился - ты, дескать, недавно ходил, да и незачем тебе - семейства нет, а хозяйство свое - перышки-то - на прииске потерял. Ну, отпустил. А Кузька разве такой случай пропустит? Он спозаранку к тому месту пробрался, где ковш на жердинке припрятан был. Долго Кузьке ждаться-то пришлось, да ведь воровская сноровка известна. Не нами сказано - вор собаку переждет, не то что хозяина. На утре подошел Илья, достал ковш да и говорит:

- Эх, перышек-то нету! А ветер добрый. С утра так свистит, - к полдню вовсе разгуляется.

Впрямь, ветер такой, что в лесу стон стоит. Пошел Илья по своим приметкам, а Двоерылко за ним крадется да радуется :

"Вот они, перышки-то! К богатству, знать-то, дорожку кажут!"

Долгонько пришлось Илье по приметам-то пробираться, а ветер все тише да тише. Как на ложок выйти, так и вовсе тихо стало, - ни одна веточка не пошевелинется. Глядит Илья - старушонка у колодца стоит, дожидается и звонко так кричит:

- Вояка пришел! Бабкины перья потерял и на ветре прогадал. Что теперь делать-то станешь? Беги-ко домой да ветра жди! Может, и дождешься!

Сама в сторонке стоит, к Илье рук не тянет, а над колодцем туман, как шапка синяя, густым-густехонько. Илья разбежался да со взгорочка ковшом-то на жердине прямо в ту синюю шапку и сунул да еще кричит:

- Ну-ко, ты, убогая, поберегись! Не зашибить бы ненароком.

Зачерпнул из колодца и чует - тяжело. Еле выволок. Старушонка смеется, молодые зубы кажет.

Погляжу я, погляжу, как ты ковш до себя дотянешь. Много ли моей водицы испить доведется!

Задорит, значит, парня. Илья видит - верно, тяжело, - вовсе озлился.

- Пей, - кричит, - сама!

Усилился, поднял маленько ковшик да и норовит опрокинуть на старушонку. Та отодвинулась. Илья за ней. Она дальше. Тут жердинка и переломилась и вода разлилась. Старушонка опять смеется:

- Ты бы ковшик-то на бревно насадил... Надежнее бы! Илья в ответ грозитя:

- Погоди, убогая! Искупаю еще! Тут старушонка и говорит:

- Ну ладно. Побаловали - и хватит. Вижу, что ты парень гораздый да удалый. Приходи в месячную ночь, когда вздумаешь. Всяких богатств тебе покажу.

Бери, сколько унесешь. Если меня сверху не случится, скажись: "Без ковша пришел", - и все тебе будет.

- Мне, - отвечает Илья, - и на то охота поглядеть, как ты красной девкой оборачиваешься.

- По делу видно будет, - усмехнулась старушонка, опять молодые зубы показала.

Двоерылко все это до капельки видел и до слова слышал.

"Надо, - думает, - поскорее на прииск бежать да кошели наготовлять. Как бы только Илюшка меня не опередил!"

Убежал Двоерылко. А Илья взгорочком к дому пошел. Перебрался по кочкам через болотце, домой пришел, а там одна новость - бабкиного решета не стало. Подивился Илья - кому такое понадобилось? Сходил к своим заводским дружкам, поговорил с тем, с другим и обратно на прииск пошел, только не через болото, а дорогой, как все ходили.

Прошло так дней пяток, а случай тот у Илюхи из головы не выходит - на работе помнится и сну мешать стал. Нет-нет и увидит он те синие глаза, а то и голос звонкий услышит: "Приходи в месячную ночь, когда вздумаешь".

Вот Илюха и порешил: "Схожу. Погляжу хоть, какое богатство бывает. Может, и сама она мне красной девкой покажется".

В ту пору как раз молодой месяц родился, ночи посветлее стали. Вдруг на прииске разговор - Двоерылко потерялся. Сбегали на завод - нету. Смотритель велел по лесу искать - тоже не оказалось. И то сказать, искали - не насажались. Всяк про себя думал: "От того убытку нет, коли вор потерялся". На том и кончилось.

Как месяц на полный кружок обозначился, Илюха и пошел. Добрался до места. Глядит - никого нет. Илья все же со взгорочка не спустился и тихонько молвил:

- Без ковша пришел.

Только сказал, сейчас старушонка объявилась и ласково говорит:

- Милости просим, гостенек дорогой! Давно поджидаю. Подходи да бери, сколько унесешь. Сама руками-то как крышку над колодцем подняла, а там и открылось богатства всякого. Доверху набито. Илье любопытно на такое богатство поглядеть, а со взгорочка не спускается. Старушонка поторапливать стала:

- Ну, чего стоишь? Бери, говорю, сколько в кошель уйдет.

- Кошеля-то, - отвечает, - у меня нету, да и от бабки Лукерьи я другое слышал. Будто только то богатство чисто да крепко, какое ты сама человеку подашь.

- Вишь ты, привередник какой! Ему еще подноси! Ну, будь по-твоему!

Как сказала это старушонка, так из колодца синий столб выметнуло. И выходит из этого столба девица-красавица, как царица снаряжена, а ростом до половины доброй сосны. В руках у этой девицы золотой поднос, а на нем гряда всякого богатства. Песок золотой, камня дорогие, самородки чуть не по ковриге. Подходит эта девица к Илюхе и с поклоном подает ему поднос:

- Прими-ко, молодец!

Илья на прииске вырос, в золотовеске тоже бывал, знал, как его - золото-то - весят. Посмотрел на поднос и говорит старушонке:

- Для смеху это придумано. Ни одному человеку не в силу столько поднять.

- Не возьмешь? - спрашивает старушонка.

- И не подумаю, - отвечает Илья.

- Ну, будь по-твоему! Другой подарок дам, - говорит старушонка.

И сейчас же той девицы - с золотым-то подносом - не стало. Из колодца опять синий столб выметнуло. Вышла другая девица. Ростом поменьше. Тоже красавица и наряжена по-купецки. В руках у этой девицы серебряный поднос, на нем гряда богатства. Илья и от этого подноса отказался, говорит старушонке:

- Не в силу человеку столько поднять, да и не своими руками ты подаешь.

Тут старушонка вовсе по-девичьи рассмеялась.

- Ладно, будь по-твоему! Тебя и себя потешу. Потом, чур, не жалеть. Ну, жди.

Сказала, и сразу не стало ни той девицы с серебряным подносом, ни самой старушонки. Стоял-стоял Илюха - никого нет. Надоело уж ему ждать-то, тут сбоку и зашуршала трава. Поворотился Илюха в ту сторону. Видит - девчонка подходит. Простая девчонка, в обыкновенный человеческий рост. Годов так восемнадцати. Платишко на ней синее, платок на голове синий, и на ногах бареточки синие. А пригожая эта девчонка - и сказать нельзя. Глаза - звездой, брови - дугой, губы - малина, и руса коса трубчатая через плечо перекинута, а в косе лента синяя.

Подошла девчонка к Илюхе и говорит:

- Прими-ка, мил друг Илюшенька, подарочек от чистого сердца.

И подает ему своими белыми рученьками старое бабки Лукерьи решето с ягодами. Тут тебе и земляника, тут тебе и княженика, и желтая морошка, и черная смородина с голубикой. Ну, всяких сортов ягода. Полнехонько решето. А сверху три перышка. Одно беленькое, одно черненькое, одно рыженькое, натуго синей ниточкой перевязаны.

Принял Илюха решето, а сам как дурак стоит, никак домекнуть не может, откуда эта девчонка появилась, где она осенью всяких ягод набрала. Вот и спрашивает:

- Ты чья, красна девица? Скажись, как тебя звать величать?

Девчонка усмехнулась и говорит:

- Бабкой Синюшкой люди зовут, а гораздому да удалому, да простой душе и такой кажись, какой видишь. Редко только так-то бывает.

Тогда уж Илюха понял, с кем разговор, и спрашивает:

- Перышки-то у тебя откуда?

- Да вот, - отвечает, - Двоерылко за богатством приходил. Сам в колодец угодил и кошельки свои утопил, а твои-то перышки выплыли. Простой, видно, ты души парень.

Дальше Илья и не знает, о чем говорить. И она стоит, молчит, ленту в косе перебирает. Потом промолвила:

- Так-то, мил друг Илюшенька! Синюшка я. Всегда старая, всегда молодая. К здешним богатствам навеки приставлена.

Тут помолчала маленько да спрашивает:

- Ну, нагляделся? Хватит, поди, а то как бы во сне не привиделась.

И сама вздохнула, как ножом по сердцу парня польснула. Все бы отдал, лишь бы она настоящая живая девчонка стала, а ее и вовсе нет.

Долго еще стоял Илья. Синий туман из колодца по всему ложочку пополз, тогда только стал к дому пробираться. На свету уж пришел. Только заходит в избу, а решето с ягодами и потяжелело, дно оборвалось, и на пол самородки да дорогие каменья посыпались.

С таким-то богатством Илья сразу от барина откупился, на волю вышел, дом себе хороший справил, лошадь завел, а вот жениться никак не может. Все та девчонка из памяти не выходит. Сна-покою из-за этого решил. И бабки Лукерьи перышки не помогают. Ни один раз говаривал:

- Эх, бабка Лукерья, бабка Лукерья! Научила ты, как Синюшкино богатство добыть, а как тоску избыть - не сказала. Видно, сама не знала.

Маялся-маялся так то и надумал: "Лучше в тот колодец нырнуть, чем такую муку переносить".

Пошел к Зюзельскому болотцу, а бабкины перышки все же с собой захватил. Тогда ягодная пора пришлась. Землянику таскать стали.

Только подошел Илья к лесу, навстречу ему девичья артелка. Человек с десяток, с полными корзинками. Одна девчонка на отшибе идет, годов так восемнадцати. Платишко на ней синее, платок на голове синий. И пригожая - сказать нельзя. Брови - дугой, глаза - звездой, губы - малина, руса коса трубчатая через плечо перекинута, а в ней лента синяя. Ну, вылитая та. Одна приметочка разнится: на той баретки синие были, а эта вовсе босиком.

Остолбенел Илья. Глядит на девчонку, и она синими-то глазами зырк да зырк и усмехается - зубы кажет.

Прочухался маленько Илюха и говорит:

- Как это я тебя никогда не видал?

- Вот, - отвечает, - и погляди, коли охота. На это я проста - копейки не возьму.

- Где, - спрашивает, - ты живешь?

- Ступай, - говорит, - прямо, повороти направо. Тут будет пень большой. Ты разбегись да треснишь башкой. Как искры из глаз посыплются - тут меня и увидишь...

Ну, зубоскальничает, конечно, как по девичьему обряду ведется. Потом сказала - чья такая, по которой улице живет и как зовут.

Все честь честью. А сама глазами так и тянет, так и тянет.

С этой девчонкой Илюха и свою долю нашел. Только ненадолго. Она, вишь, из мраморских была. То ее Илюха и не видал раньше-то. Ну, а про мраморских дело известное. Краше тамошних девок по нашему краю нет, а женись на такой - овдовеешь. С малых лет около камню бьются - чахотка у них.

Илюха и сам долго не зажился. Наглотался, может, от этой да и от той нездоровья-то. А по Зюзельке вскорости большой прииск открыли.

Илюха, видишь, не потаил, где богатство взял. Ну, рыться по тем местам стали и натакались по Зюзельке на богатое золото.

На моих еще памятях тут хорошо добывали. А колодца того так и не нашли. Туман синий, - тот и посейчас на тех местах держится, богатства кажет.

Мы ведь что! Сверху поковыряли маленько, копни-ко поглубже... Глубокий, сказывают, тот Синюшкин колодец. Страсть глубокий. Еще добытчиков ждет.

Огневушка-поскакушка

П.П. Бажов

Сидели раз старатели круг огонька в лесу. Четверо больших, а пятый парнишечко. Лет так восьми, не больше, Федюнькой его звали. Давно всем спать пора, да разговор занятный пришелся. В артелке, видишь, один старик был. Дедко Ефим. С молодых годов он из земли золотую крупку выбирал. Мало ли каких случаев у него бывало. Он и рассказывал, а старатели слушали.

Отец уж сколько раз говорил Федюньке:

- Ложился бы ты, Тюньша, спать! Парнишечку охота послушать.

- Погоди, тятенька! Я маленько еще посижу.

Ну, вот... Кончил дедко Ефим рассказ. На месте костерка одни угольки остались, а старатели всё сидят да на эти угольки глядят.

Вдруг из самой серединки вынырнула девчоночка махонька. Вроде кукленки, а живая. Волосенки рыженькие, сарафанчик голубенький и в руке платочек, тоже сголуба.

Поглядела девчонка веселыми глазками, блеснула зубенками, подбоченилась, платочком махнула и пошла плясать. И так у ней легко да ловко выходит, что и сказать нельзя. У старателей дух захватило. Глядят - не наглядятся, а сами молчат, будто задумались.

Девчонка сперва по уголькам круги давала, потом, - видно, ей тесно стало, - пошире пошла. Старатели отодвигаются, дорогу дают, а девчонка как круг пройдет, так и подрастет маленько. Старатели дальше отодвинутся. Она еще круг даст и опять подрастет. Когда вовсе далеко отодвинулись, девчонка по промежуткам в охват людей пошла, - с петлями у ней круги стали. Потом и вовсе за людей вышла и опять ровненько закружилась, а сама уже ростом с Федюньку. У большой сосны остановилась, топнула ножкой, зубенками блеснула, платочком махнула, как свистнула:

- Фи-т-ть! й-ю-ю-у...

Тут филин заухал, захохотал, и никакой девчонки не стало.

Кабы одни большие сидели, так, может, ничего бы дальше и не случилось. Каждый, видишь, подумал:

"Вот до чего на огонь загляделся! В глазах зарябило... Неведомо что померещится с устатку-то!"

Один Федюнька этого не подумал и спрашивает у отца -

Тятя, это кто? Отец отвечает:

- Филин. Кому больше-то? Неуж не слыхал, как он ухает?

- Да не про филина я! Его-то, поди-ка, знаю и ни капельки не боюсь. Ты мне про девчонку скажи.

- Про какую девчонку?

- А вот которая на углях плясала. Еще ты и все отодвигались, как она широким кругом пошла.

Тут отец и другие старатели давай доспрашивать Федюньку, что он видел. Парнишечко рассказал. Один старатель еще спросил:

- Ну-ко, скажи, какого она росту была?

- Сперва-то не больше моей ладошки, а под конец чуть не с меня стала.

Старатель тогда и говорит:

- А ведь я, Тюньша, точь-в-точь такое же диво видел. Федюнькин отец и еще один старатель это же сказали.

Один дед Ефим трубочку сосет и помалкивает. Старатели приступить к нему стали:

- Ты, дедко Ефим, что скажешь?

- А то и скажу, что это же видел, да думал - померещилось мне, а выходит - и впрямь Огневушка-Поскакушка приходила.

- Какая Поскакушка?

Дедко Ефим тогда и объяснил:

- Слыхал, дескать, от стариков, что есть такой знак на золото - вроде маленькой девчонки, которая пляшет. Где такая Поскакушка покажется, там и золото. Не сильное золото, зато грудное, и не пластом лежит, а вроде редьки посажено. Сверху, значит, пошире круг, а дальше все меньше да меньше и на нет сойдет. Выроешь эту редьку золотого песку - и больше на том месте делать нечего. Только вот забыл, в котором месте ту редьку искать: то ли где Поскакушка вынырнет, то ли где она в землю уйдет.

Старатели и говорят:

- Это дело в наших руках. Завтра пробьем дудку сперва на месте костерка, а потом под сосной испробуем. Тогда и увидим, пустяшный твой разговор или всамделе что на пользу есть.

С этим и спать легли. Федюнька тоже калачиком свернулся, а сам думает: "Над чем это филин хохотал?" Хотел у дедка Ефима спросить, да он уже похрапывать принялся.

Проснулся Федюнька на другой день позднечко и видит - на вчерашнем огневище большая дудка вырыта, а старатели стоят у четырех больших сосен и все говорят одно:

- На этом самом месте в землю ушла. Федюнька закричал:

- Что вы! Что вы, дяденьки! Забыли, видно! Вовсе Поскакушка под этой вот сосной остановилась... Тут и ножкой притопнула.

На старателей тут сомнение пришло. Пятый пробудился - пятое место говорит. Был бы десятый - десятое бы указал. Пустое, видать, дело. Бросить надо.

Все ж таки на всех местах испытали, а удачи не вышло. Дедко Ефим и говорит Федюньке:

- Обманное, видно, твое счастье.

Федюньке это нелюбо показалось. Он и говорит:

- Это, дедо, филин помешал. Он наше счастье обухал да обхохотал.

Дед Ефим свое говорит:

- Филин тут - не причина.

- А вот и причина!

- Нет, не причина!

- А вот и причина!

Спорят так-то вовсе без толку, а другие старатели над ними да и над собой смеются:

- Старый да малый оба не знают, а мы, дураки, их слушаем да дни теряем.

С той вот поры старика и прозвали Ефим Золотая Редька, а Федюньку - Тюнькой Поскакушкой.

Ребятишки заводские узнали, проходу не дают. Как увидят на улице, так и заведут:

- Тюнька Поскакушка! Тюнька Поскакушка! Про девчонку скажи! Скажи про девчонку!

Старику от прозвища какая беда? Хоть горшком назови, только в печку не ставь. Ну, а Федюньке по малолетству обидно показалось. Он и дрался, и ругался, и ревел не раз, а ребятишки пуще того дразнят. Хоть домой с прииска не ходи. Тут еще перемена жизни у Федюньки вышла. Отец-то у него на второй женился. Мачеха попалась, прямо сказать, медведица. Федюньку и вовсе от дома отшибло.

Дедко Ефим тоже не часто домой с прииска бегал. Намается за неделю, ему и неохота идти, старые ноги колотить. Да и не к кому было. Один жил.

Вот у них и повелось. Как суббота, старатели домой, а дедко Ефим с Федюнькой на прииске останутся.

Что делать-то? Разговаривают о том, о другом. Дедко Ефим рассказывал побывальщины разные, учил Федюньку, по каким логам золото искать и протча тако. Случалось, и про Поскакушку вспомнят. И все у них гладко да дружно. В одном сговориться не могут. Федюнька говорит, что филин всей неудаче причина, а дедко Ефим говорит - вовсе не причина.

Раз так-то заспорили. Дело еще на свету было, при солнышке. У балагана все таки огонек был - от комаров курево. Огонь чуть видно, а дыму много. Глядят - в дыму-то появилась махонькая девчонка. Точь-в-точь такая же, как тот раз, только сарафанчик потемнее и платок тоже. Поглядела веселыми глазками, зубенками блеснула, платочком махнула, ножкой притопнула и давай плясать.

Сперва круги маленькие давала, потом больше да больше, и сама подрастать стала. Балаган на пути пришелся, только это ей не помеха. Идет, будто балагана и нет. Кружилась-кружилась, а как ростом с Федюньку стала, так и остановилась у большой сосны. Усмехнулась, ножкой притопнула, платочком махнула, как свистнула:

- Фи-т-ть! й-ю-ю-у...

И сейчас же филин заухал, захохотал. Дедко Ефим подивился:

- Откуда филину быть, коли солнышко еще не закатилось?

- Видишь вот! Опять филин наше счастье спугнул. Поскакушка-то, может, от этого филина и убежала.

- А ты разве видел Поскакушку?

- А ты разве не видел?

Начали они тут друг дружку расспрашивать, кто что видел. Все сошлось, только место, где девчонка в землю ушла, у разных сосен указывают.

Как до этого договорились, так дедко Ефим и вздохнул

- О-хо-хо! Видно, нет ничего. Одна это наша думка. Только сказал, а из-под дерна по балагану дым повалил. Кинулись, а там жердник под деревом затлел. По счастью, вода близко была. Живо залили. Все в сохранности осталось. Одне дедовы рукавицы обгорели.

Схватил Федюнька рукавицы и видит - дырки на них, как следочки от маленьких ног. Показал это чудо дедке Ефиму и спрашивает:

- Это, по-твоему, тоже думка?

Ну, Ефиму податься некуда, сознался:

- Правда твоя, Тюньша. Знак верный - Поскакушка была. Придется, видно, завтра опять ямы бить - счастье пытаться.

В воскресенье и занялись этим с утра. Три ямы вырыли - ничего не нашли. Дедко Ефим жаловаться стал:

- Наше-то счастье - людям смех. Федюнька опять вину на филина кладет:

- Это он, пучеглазик, наше счастье обухал да обхохотал. Вот бы его палкой!

В понедельник старатели прибежали из завода. Видят - свежие ямы у самого балагана. Сразу догадались, в чем дело. Смеются над стариком-то:

- Редька редьку искал...

Потом увидели, что в балагане пожар начинался, давай их ругать обоих. Федюнькин отец зверем на парнишку накинулся, чуть не поколотил, да дедко Ефим застоял:

- Постыдился бы мальчонку строжить! Без того он у тебя боится домой ходить. Задразнили да загрызли парнишка. Да и какая его вина? Я, поди-ко, оставался - с меня и спрашивай, коли у тебя урон какой случился. Золу, видно, из трубки высыпал с огоньком - вот и загорелось. Моя оплошка - мой и ответ.

Отчитал так-то Федюнькиного отца, потом и говорит парнишку, как никого из больших близко не было.

- Эх, Тюньша, Тюньша! Смеется над нами Поскакушка. Другой раз случится увидеть, так ей в глаза надо плюнуть. Пускай людей с пути не сбивает да на смех не ставит!

Федюнька свое заладил:

- Дедо, она не со зла. Филин ей вредит.

- Твое дело, - говорит Ефим, - а только я больше ямы бить не стану. Побаловался - и хватит. Немолодые мои годы - за Поскакушкой скакать.

Ну, разворчался старик, а Федюньке все Поскакушки жаль.

- Ты, дедо, не сердись на нее! Вон она какая веселая да хорошая. Счастье бы нам открыла, кабы не филин.

Про филина дедко Ефим промолчал, а на Поскакушку все ворчит:

То-то она счастье тебе открыла! Хоть домой не ходи! Сколько ни ворчит дедко Ефим, а Федюнька свое:

- А как она, дедо, ловко пляшет!

- Пляшет-то ловко, да нам от этого ни жарко ни холодно, и глядеть неохота.

- А я бы хоть сейчас поглядел! - вздохнул Федюнька. Потом и спрашивает: - А ты, дедо, отворотишься? И поглядеть тебе не любо?

- Как не любо? - проговорился дедко, да спохватился и давай опять строжить Федюньку: - Ох, и упорный ты парнишко! Ох, и упорный! Что в головушку попало, то и засело! Будешь вот, что мое же дело, - всю жизнь мыкаться, за счастьем гоняться, а его, может, вовсе и нету.

- Как нету, коли я своими глазами видел.

- Ну, как знаешь, а я тебе не попутчик! Набегался. Ноги заболели.

Поспорили, а дружбу вести не перестали. Дедко Ефим по работе сновлял Федюньке, показывал, а в свободный час о всяких случаях рассказывал. Учил, значит, как жить-то надо. И самые веселые у них те дни были, как они вдвоем на прииске оставались.

Зима загнала старателей по домам. Рассовал их приказчик до весны по работам, куда пришлось, а Федюнька по малолетству дома остался. Только ему дома-то несладко. Тут еще новая беда пришла: отца на заводе покалечило. В больничную казарму его унесли. Ни жив ни мертв лежит. Мачеха и вовсе медведицей стала, - загрызла Федюньку. Терпел он, терпел да и говорит:

- Пойду, нето, я к дедку Ефиму жить. А мачехе что?

- Провались ты, - кричит, - хоть к Поскакушке своей! Надел тут Федюня пимишки, шубейку-ветродуйку покровкой покрепче затянул. Хотел отцовскую шапку надеть, да мачеха не дала. Натянул тогда свою, из которой давно вырос, и пошел.

На улице первым делом парнишки налетели, дразниться стали:

- Тюнька Поскакушка! Тюнька Поскакушка! Скажи про девчонку!

Федюня, знай, идет своей дорогой. Только и сказал:

- Эх, вы! Несмышлениши!

Ребятам что-то стыдно стало. Они уж вовсе по-доброму спрашивают:

- Ты куда это?

- К дедку Ефиму.

- К Золотой Редьке?

- Кому Редька - мне дедко.

- Далеко ведь! Еще заблудишься.

Знаю, поди-ко, дорогу.

- Ну, замерзнешь. Вишь стужа какая, а у тебя и рукавиц нет.

- Рукавиц нет, да руки есть, и рукава не отпали. Засуну руки в рукава - только и дела. Не догадались!

Ребятам занятно показалось, как Федюнька разговаривает, они и стали спрашивать похорошему:

- Тюньша! Ты правда Поскакушку в огне видел?

- И в огне видел, и в дыму видел. Может, еще где увижу, да рассказывать недосуг, - сказал Федюнька да и зашагал дальше.

Дедко Ефим то ли в Косом Броду, то ли в Северной жил. На самом выезде, сказывают, избушка стояла. Еще перед окошком сосна бортевая росла. Далеконько все ж таки, а время холодное - самая середина зимы. Подзамерз наш Федюнюшка. Ну, дошагал все ж таки. Только ему за дверную скобу взяться, вдруг слышит:

- Фи-т-ть! й-ю-ю-у...

Оглянулся - на дороге снежок крутится, а в нем чуть метлесит клубочек, и похож тот клубочек на Поскакушку. Побежал Федюня поближе разглядеть, а клубочек уж далеко. Федюня за ним, он того дальше. Бежал-бежал за клубочком да и забрался в незнакомое место. Глядит - пустопесье какое-то, а кругом лес густой. Посредине пустопесья береза старая, будто и вовсе не живая. Снегу около нее намело гора горой. Клубочек подкатился к этой березе да вокруг нее и кружится.

Федюнька в азарте-то не поглядел, что тут и тропочки нет, полез по цельному снегу.

"Сколько, - думает, - бежал, не уж спятиться!"

Добрался-таки до березы, а клубочек и рассыпался. Снеговой пылью Федюньке в глаза брызнул.

Чуть не заревел от обиды Федюнька. Вдруг у самой его ноги снег воронкой до земля протаял. Видит Федюнька - на дне-то воронки Поскакушка. Веселенько поглядела, усмехнулась ласково, платочком махнула и пошла плясать, а снег-то от нее бегом побежал. Где ей ножку поставить, там трава зеленая да цветы лесные.

Обошла круг - тепло Федюньке стало, а Поскакушка шире да шире круг берет, сама подрастает, а полянка в снегу все больше да больше. На березе уж листочки зашумели.

Поскакушка того больше старается, припевать стала:

У меня тепло!

У меня светло!

Красно летичко!

А сама волчком да волчком - сарафанчик пузырем. Когда ростом с Федюнькой выровнялась, полянка в снегу вовсе большая стала, а на березе птички запели. Жарынь, как в самый горячий день летом. У Федюньки с носу пот каплет. Шапчонку свою Федюнька давно снял, хотел и шубенку сбросить, Поскакушка и говорит:

Ты, парень, побереги тепло-то! Лучше о том подумай, как назад выберешься!

Федюнька на это и отвечает:

- Сама завела - сама выведешь!

Девчонка смеется:

- Ловкий какой! А если мне недосуг?

- Найдешь время! Я подожду! Девчонка тогда и говорит:

- Возьми-ко лучше лопатку. Она тебя в снегу согреет и домой выведет.

Поглядел Федюнька - у березы лопатка старая валяется. Изоржавела вся, и черенок расколотый.

Взял Федюнька лопатку, а Поскакушка наказывает:

- Глади из рук не выпусти! Крепче держи! Да дорогу-то примечай! Назад тебя лопата не поведет. А ведь придешь весной-то?

- А как же? Непременно прибежим с дедком Ефимом. Как весна - так мы и тут. Ты тоже приходи поплясать.

- Не время мне. Сам уж пляши, а дедко Ефим пусть притопывает!

- Какая у тебя работа?

- Не видишь? Зимой лето делаю да таких, как ты, работников забавляю. Думаешь - легко?

Сама засмеялась, вертнулась волчком и платочком махнула, как свистнула:

- Фи-т-ть! й-ю-ю-у...

И девчонки нет, и полянки нет, и береза стоит голым-голешенька, как неживая. На вершине филин сидит. Кричать - не кричит, а башкой ворочает. Вокруг березы снегу намело гора горой. В снегу чуть не по горло провалился Федюнька и лопаткой на филина машет. От Поскакушкина лета только то и осталось, что черенок у Федюньки в руках вовсе теплый, даже горячий. А рукам тепло - и всему телу весело.

Потянула тут лопата Федюньку и сразу из снега выволокла. Сперва Федюнька чуть не выпустил лопату из рук, потом наловчился, и дело гладко пошло. Где пешком за лопатой идет, где волоком тащится. Забавно это Федюньке, а приметки ставить не забывает. Это ему тоже легонько далось. Чуть подумает засечку сделать, лопатка сейчас тюк-тюк - две ровнешеньких зарубочки готовы.

Привела лопатка Федюню к деду Ефиму затемно. Старик уж на печь полез. Обрадовался, конечно, стал спрашивать, как да что. Рассказал Федюнька деду про случай, а старик не верит. Тогда Федюнька и говорит:

- Посмотри вон лопатку-то! В сенках она поставлена. Принес дедко Ефим лопатку да и углядел - по ржавчине-то золотые таракашки посажены. Целых шесть штук. Тут дедко поверил маленько и спрашивает:

А место найдешь?

- Как, - отвечает, - не найти, коли дорога замечена.

На другой день дедко Ефим раздобыл лыжи у знакомого охотника.

Сходили честь честью. По зарубкам-то ловко до места добрались. Вовсе повеселел дедко Ефим. Сдал он золотых таракашков тайному купцу, и прожили ту зиму безбедно.

Как весна пришла, побежали к старой березе. Ну, и что? С первой лопатки такой песок пошел, что хоть не промывай, а прямо руками золотины выбирай. Дедко Ефим даже поплясал на радостях.

Прихранить богатство не сумели, конечно. Федюнька - малолеток, а Ефим хоть старик, а тоже простота.

Народ со всех сторон кинулся. Потом, понятно, всех согнали начисто, и барин за себя это место перевел. Недаром, видно, филин башкой-то ворочал.

Все-таки дедко Ефим с Федюнькой хлебнули маленько из первого ковшичка.

Годов с пяток в достатке пожили. Вспоминали Поскакушку.

- Еще бы показалась разок!

Ну, не случилось больше. А прииск тот и посейчас зовется Поскакушкинский.

Иванко-Крылатко

П.П. Бажов

Про наших златоустовских сдавна сплетка пущена, будто они мастерству у немцев учились. Привезли, дескать, в завод сколько-то немцев. От них здешние заводские и переняли, как булатную сталь варить, как рисовку и насечку делать, как позолоту наводить. И в книжках будто бы так записано.

Только этот разговор в половинку уха слушать надо, а в другую половинку то лови, что наши старики сказывают. Вот тогда и поймешь, как дело было, - кто у кого учился.

То правда, что наш завод под немецким правленьем бывал. Года два ли, три вовсе за немцем-хозяином числился. И потом, как обратно в казну отошел, немцы долго тут толкошились. Не дом, не два, а полных две улицы набилось.

Так и звались: Большая Немецкая - это которая меж горой Бутыловкой да Богданкой, и Малая Немецкая. Церковь у немцев своя была, школа тоже, и даже судились немцы своим судом.

Только и то надо сказать, что других жителей в заводе довольно было. Демидовкой не зря один конец назывался. Там демидовские мастера жили, а они, известно, булат с давних годов варить умели.

Про башкир тоже забывать не след. Эти и вовсе задолго до наших в здешних местах поселились.

Народ, конечно, небогатый, а конь да булат у них такие случались, что век не забудешь. Иной раз такой узор старинного мастерства на ноже либо сабле покажут, что по ночам тот узор тебе долго снится.

Вот и выходит - нашим и без навозного немца было у кого поучиться. И сами, понятно, не без смекалки были, к чужому свое добавляли. По старым поделкам это въявь видно. Кто и мало в деле понимает, и тот по этим поделкам разберет, походит ли баран на беркута, немецкая, то есть, работа на здешнюю.

Мне вот дедушко покойный про один случай сказывал. При крепостном еще положении было. Годов, поди, за сто. Немца в ту пору жировало на наших хлебах довольно, и в начальстве все немцы ходили. Только уж пошел разговор - зря, дескать, такую ораву кормим, ничему немцы наших научить не могут, потому сами мало дело понимают. Может, и до высокого начальства такой разговор дошел. Немцы и забеспокоились.

Привезли из своей земли какого-то Вурму или Мумру. Этот, дескать, покажет, как булат варить. Только ничего у Мумры не вышло. Денег проварил уйму, а булату и плиточки не получил. Немецкому начальству вовсе конфуз. Только вскорости опять слушок по заводу пустили: едет из немецкой земли самолучший мастер. Рисовку да позолоту покажет, про какие тут и слыхом не слыхали. Заводские после Мумры-то к этой немецкой хвастне безо внимания. Меж собой одно судят:

- Язык без костей. Мели, что хочешь, коли воля дана.

Только верно - приехал немец. Из себя видный, а кличка ему Штоф. Наши, понятно, позубоскальничали маленько :

- Штоф не чекушка. Вдвоем усидишь - и то песни запоешь. Выйдет, значит, дело у этого Штофа.

Шутка шуткой, а на деле оказалось - понимающий мужик. Глаз хоть навькате, а верный, руке с инструментом полный хозяин и на работу не ленив. Прямо сказать, мастер. Одно не поглянулось:

шибко здыморыльничал и на все здешнее фуйкал. Что ему ни покажут из заводской работы, у него одно слово: фуй да фуй. Его за это и прозвали Фуйко Штоф.

Работал этот Фуйко по украшению жалованного оружия. Как один, у него золотые кони на саблях выходили, и позолота без пятна. Ровно лежит, крепко. И рисовка чистая. Все честь честью выведено. Копытца стаканчиками, ушки пенечками, челку видно, глазокточечка на месте поставлена, а в гриве да хвосте тоже сильшки считай. Стоит золотой конек, а над ним золотая коронка. Тоже тонко вырисована. Все жички-цепочки разобрать можно. Одно не поймешь - к чему она тут над коньком пристроилась.

Отделает Фуйко саблю и похваляется:

- Это есть немецкий рапота. Начальство ему поддувает:

- О, та. Такой тонкий рапота руски понимайт не может.

Нашим мастерам, понятно, это в обиду. Заподумывали, кого бы к немцу подставить, чтобы не хуже сделал. Говорят начальству - так и так, надо к Штофу на выучку из здешних кого определить. Положение такое есть, а начальство руками машет, свое твердит:

- Это есть ошень тонкий рапота. Руски понимайт не может.

Наши мастера на своем стоят, а сами думают, кого поставить. Всех хороших рисовщиков и позолотчиков, конечно, наперечет знали, да ведь не всякий подходит. Иной уж в годах. Такого в подручные нельзя, коли он сам давно мастер. Надо кого помоложе, чтобы вроде ученика пришелся.

Тут в цех и пришел дедушко Бушуев. Он раньше по украшению же работал, да с немцами разаркался и свое дело завел. Поставил, как у нас водится, в избе чугунную боковушку кусинской работы и стал по заказу металл в синь да в серебро разделявать. Ну, и от позолоты не отказывался. И был у этого дедушки Бушуева подходящий паренек, не то племянник, не то внучонко - Иванко, той же фамилии - Бушуев. Смышленный по рисовке. Давно его в завод сманивали, да дедушко не отпускал.

- Не допущу, - кричит, - чтоб Иванко с немцами якшался. Руку испортят и глаз замутят.

Поглядел дедушко Бушуев на Фуйкину саблю, аж крякнул и похвалил:

- Чистая работа!

Потом, мало погода, похвастался:

- А все-таки у моего Ванятки рука смелее и глаз веселее.

Мастера за эти слова и схватились:

- Отпусти к нам на завод. Может, он всамделе немца обыграет.

Ну, старик ни в какуюю.

Все знали - старик неподатливый, самостоятельного характера. Правду сказать, вовсе поперешный. А все-таки думка об Иванке запала в головы. Как дедушко ушел, мастера и переговариваются меж собой:

- Верно, попытать бы! Другие опять отговаривают:

- Впусте время терять. Парень из рук дедушки не вышел, а того ни крестом, ни песком с дороги не своротишь.

Кто опять придумывает:

- Может, хитрость какую в этом деле подвести?

А то им невдогадку, что старик из цеха сумный пошел. Ну как - русский человек! Разве ему охота ниже немца ходить? Никогда этого не бывало!

Все-таки два дня крепился. Молчал. Потом, ровно его прорвало, заорал:

- Иванко, айда на завод! Парень удивился:

- Зачем?

- А затем, - кричит, - что надобно этого немецкого Фуйко обставить. Да так обогнать, чтоб и спору не было.

Ванюшка, конечно, про этого вновь приезжего слышал. И то знал, что дедушко недавно в цех ходил, только Иванко об этом помалкивал, а старик расходил.

- Коли, - говорит, - немца работой обгонишь, женись на Оксютке. Не препятствую!

У парня, видишь, на примете девушка была, а старик никак не соглашался:

- Не могу допустить к себе в дом эку босоту, бесприданницу.

Иванку лестно показалось, что дедушко по-другому заговорил, - живо побежал на завод. Поговорил с мастерами, - так и так, дедушко согласен, а я и подавно. Сам желание имею с немцем в рисовке потягаться. Ну, мастера тогда и стали на немецкое начальство наседать, чтоб по положению к Фуйке русского ученика поставить, - Иванка, значит. А он парень не вовсе рослый. Легкой статьи. В жениховской поре, а парнишком глядит. Как весенняя байга у башкир бывает, так на трехлетках его пускали. И коней он знал до косточки. Немецкое начальство сперва поартачилось, потом глядит - парнишко замухрышистый, согласилось: ничего, думает, у такого не выйдет. Так Иванко и попал к немцу в подручные. Присмотрелся к работе, а про себя думает - хорошо у немца конек выходит, только живым не пахнет. Надо так приспособиться, чтоб коня на полном бегу рисовать. Так думает, а из себя дурака строит, дивится, как у немца ловко каждая черточка приходится. Немец, знай, брюхо поглаживает да приговаривает:

- Это есть немецкий рапота.

Прошло так сколько-то времени, Фуйко и говорит по начальству :

- Пора этот мальшик проба ставить, - а сам подмигивает, вот-де смеху-то будет.

Начальство сразу согласилось. Дали Иванку пробу, как полагалось. Выдали булатную саблю, назначили срок и велели рисовать коня и корону, где и как сумеет.

Ну, Иванко и принялся за работу. Дело ему, по-настоящему сказать, знакомое. Одно беспокоит - надо в чистоте от немца не отстать и выдумкой перешагнуть. На том давно решил, - буду рисовать коня на полном бегу. Только как тогда с коронкой? Думал-думал, и давай рисовать пару коней. Коньков покрыл лентой, а на ней коронку вырисовал. Тоже все жички веточки разберешь, и маленько эта коронка назад напрочапилась, как башкир на лошади, когда на весь мах гонит.

Поглядел Иванко, чует - ловко рисовка к волновому булату приплась. Живыми коньки вышли.

Подумал-подумал Иванко и вспомнил, как накануне вечером Оксютка шептала: - Ты уж постарайся, Ваня! Крылышки, что ли, приделай коньку, чтоб он лучше Фуйкина вышел.

Вспомнил это и говорит:

- Э, была не была! Может, так лучше!

Взял да и приделал тем конькам крылышки, и видит - точно, еще лучше к булатному узору рисовка легла. Эту рисовку закрепил и по дедушкиному секрету вызолотил.

К сроку изготовил. Отполировал старательно, все чатинки загладил, глядеть любо. Объявил, - сдаю пробу. Ну, люди сходиться стали.

Первым дедушко Бушуев приплелся. Долго на саблю глядел. Рубал ей и по-казацки, и побашкирски. На крепость тоже пробовал, а больше того на коньков золотых любовался. До слезы смотрел. Потом и говорит:

- Спасибо, Иванушко, утешил старика!.. Полагался на тебя, а такой выдумки не чаял. В чиковку к узору твоя рисовка подошла. И то хорошо, что от эфесу ближе к рубальному месту коньков передвинул.

Наши мастера тоже хвалят. А немцы разве поймут такое? Как пришли, так шум подняли.

- Какой глупость! Кто видел коня с крыльом! Пошему корона сбок лежал? Это есть поношений на коронованный особ!

Прямо сказать, затакали парня, чуть не в тюрьму его загоняют. Тут дедушко Бушуев разгорячился.

- Псы вы, - кричит, - бессмысленные! Взять вот эту саблю да порубать вам осиновые башки. Что вы в таком деле понимаете?

Старика, конечно, свои же вытолкали, чтоб всамделе немцы до худого не довели. А немецкое начальство Ваняtku прогнало. Визжит вдогонку:

- Такой глупый мальчишка завод не пускай! Штраф платить будет! Штраф!

Иванко от этого визгу приуныл было, да дедушко подбодрил:

- Не тужи, Иванко! Без немцев жили и дальше проживем. И штраф им выбросим. Пускай подавятся. Женись на своей Оксютке. Сказал - не препятствую, - и не препятствую.

Иванко повеселел маленько да и обмолвился:

- Это она надоумила крылышки-то конькам приделать. Дедушко удивился.

- Неуж такая смышленная девка?

Потом помолчал малость да и закричал на всю улицу:

- Лошадь продам, а свадьбу вашу справлю, чтоб весь завод знал. А насчет крылатых коньков не беспокойся. Не все немцы верховодить у нас в заводе будут. Найдутся люди с понятием. Найдутся! Еще, гляди, награду тебе дадут! Помяни мое слово.

Люди, конечно, посмеиваются над стариком, а по его слову и вышло.

Вскорости после Иванковой свадьбы к нам в завод царский поезд приехал. Тройках, поди, на двадцати. С этим поездом один казацкий генерал случился. Еще из кутузовских. Немало он супостатов покрошил и немецкие, сказывают, города брал.

Этот генерал ехал в сибирскую сторону по своим делам, да царский поезд его нагнал. Ну, человек заслуженный. Царь и взял его для почету в свою свиту. Только глядит - у старика заслуг-то на груди небогато.

У ближних царских холуев, которые платок поднимают да кресло подставляют, - куда больше. Вот царь и придумал наградить этого генерала жалованной саблей.

На другой день, как приехал в Златоуст, пошли все в украшенный цех. Царь и говорит генералу:

- Жалую тебя саблей. Выбирай самолучшую. Немцы, понятно, спозаранку всю Фуйкину работу на самых видных местах разложили. А один наш мастер возьми и подсунь в то число Иванковых коньков. Генерал, как углядел эту саблю, сразу ее ухватил. Долго на коньков любовался, заточку осмотрел, все винтики опробовал и говорит:

- Много я на своем веку украшенного оружия видел, а такой рисовки не случалось. Видать, мастер с полетом. Крылатый человек. Хочу его поглядеть.

Ну, немцам делать нечего, пришлось за Иванком послать. Пришел тот, а генерал его благодарит. Выгреб сколько было денег в кармане и говорит:

- Извини, друг, больше не осталось: поиздержался в дороге. Давай хоть я тебя поцелую за твое мастерство. Оно к доброму казацкому удару ведет.

Тут генерал так саблей жикнул, что царской свите холодно стало, а немцев пот прошиб.

С той поры Ивана Бушуева и стали по заводу Крылатым звать.

Через год ли, больше за эту саблю награду выслали, только немецкое начальство, понятно, ту награду зажилило. А Фуйко после того случая в свою сторону уехал. Он, видать, не в пример прочим все-таки мастерство имел, ему и обидно показалось, что его работу ниже поставили.

Иван Бушуев, конечно, в завод воротился, когда немецких приставников да нахлебников всех повыгнали, а одни настоящие мастера остались. Ну, это не один год тянулось, потому у немецкого начальства при царе рука была и своей хитрости не занимать.

Оксюткой дедушко Бушуев крепко доволен был. Всем соседям нахваливал: - Отменная бабочка издалась. Как пара коньков с Иванком в житье веселенько бегут. Ребят хорошо растят. В одном оплошка. Не принесла Оксютка мне такого правнучка, чтоб сразу крылышки знатко было. Ну, может, принесет еще, а может, у этих ребят крылья отрастут. Как думаете? Не может того быть, чтобы Крылатковы дети без крыльев были. Правда?

Герой сказа Иван Бушуев - лицо реальное. Художественные работы этого замечательного русского мастера хранятся в музее города Златоуста.

Поэт Юрий Верховский написал в дни Отечественной войны 1941-1945 гг. книжку патриотических сонетов, один из них он посвятил бажовскому сказу —Иванко Крылаткол:

Клинок уральский – восхищенье глаз:

В лазурном поле мчится конь крылатый; Почтен
неоценимою оплатой

Строй красоты, не знающей прикрас.

Таков же, мастер, твой волшебный сказ, -

Связуя вязью тонкой и богатой

Торжественно тревожный век двадцатый И был
веков, - обворожая нас. Да будет это творческое
слово,

Грядущему являя мир былого,

Оружьем столь же мощным на века, -

Как эта сталь и как душа народа,

Как с ней одноименная свобода – Крылатый конь
уральского клинка.